

ВАДИМ ТАРАСЕНКО

ВОССТАВШИЕ ИЗ РАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Тарасенко

Восставшие из Рая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тарасенко В. В.

Восставшие из Рая / В. В. Тарасенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

В Москве происходит череда драматических событий. Кто-то сжигает несколько гинекологических клиник. На поимку преступников брошены лучшие сыщики МУРа и ФСБ. Журналист газеты «Тайны России» Александр Ермаков проводит журналистское расследование. В ходе расследования он влюбляется в девушку, которой... не должно быть в этом мире. Любовь заставляет журналиста многое переосмыслить и понять, что его мир, мир обычных людей застыл на краю пропасти... Но спасет ли любовь современных Ромео и Джульетты этот мир? Возможно ли примирение жертв и их убийц? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Для обложки использовались бесплатные фотографии:

<https://pixabay.com/ru/photos/россия-москва-кремль-ночь-панорама-1383421/>

<https://pixabay.com/ru/photos/молния-буря-аризона-муссон-1158027/>

<https://pixabay.com/ru/photos/ангел-ведьма-ад-архангел-luzifer-1284369/>

Часть 1

Предгрозые¹

Глава 1

В ту ночь бушевала сильная гроза. Белые росчерки молний раскалывали черное небо, а неизбежно следовавшие за ними удары грома вспарывали воздух гулками залпами. На несколько мгновений воцарялась тишина, потом вновь следовала яркая вспышка, а за ним протяжный удар, сотрясающий окна домов и тревожащий дремлющую сигнализацию машин. И все это под незатейливый аккомпанемент ливня, тоннами воды молотящий землю. И вновь коротких взмах ослепительно-белой «дирижерской палочки» и опять вступают «ударные» небесного оркестра.

Огромный мегаполис стоически и терпеливо переносил порку обезумевшей стихии. Вспышки молний на миг выхватывали насупленные громады небоскребов, чернеющие провалами окон, отражались в черной, как деготь реке, терялись в сомкнутых кронах деревьев парков и скверов. И победоносно пылали во мраке стихии пять кремлевских рубиновых звезд, и бился на ветру непромокающий российский триколор над зданием кремлевской резиденции Президента.

В ту ночь бушевала очень сильная гроза. Яркий, ослепительно-белый жгут, чуть ли не параллельно земле перечеркнул черное, без звезд небо. Рывком, только сверкнули пять золотых куполов, из мрака была выдернута белая громада Храма Христа-Спасителя. А миллионы ампер воздушного пробоя неслись дальше, оставляя за собой причудливый зигзагообразный след. На миг, отпечатавшись в зеркале Москвы-реки, они ударили по возникшему на их пути препятствию. Вспышка! И через секунду накрывающий все удар грома. И кажущаяся оглушающей после этого взрыва тишина, нарушаемая шорохом льющейся сверху воды и испуганными, приглушенными расстоянием и ливнем воплями автомобильных сигнализаций.

И тут же близнец-разряд вновь сверкнул от Храма Христа-Спасителя в сторону Кремля. Ему повезло больше. Небольшое возвышение над одной из крыш зданий Кремля он даже не заметил, испепелив на ходу. А дальше, никем не остановленный, он пронесся над древней цитаделью российской власти и на миг озарив мрачную мраморную глыбу Мавзолея, растворился в воздухе.

В ту ночь, когда с неприятным треском от удара молнии взорвалась звезда над Водовозной башней, которая словно нос гигантского корабля, почти упирается в Москву-реку и был сожжен флаг над зданием администрации Президента, над Москвой бушевала очень сильная гроза...

* * *

Солнце, наконец, оседлало зенит и, не прекращая поливать землю своими, не по-весеннему жгучими лучами, начало медленно спускаться вниз. В маленькой летней кафешке, приютившейся на одной из аллей Екатерининского парка, было пустынно. Лишь двое посетите-

---

¹ Предгрозые – время перед какой-н. опасностью, катастрофой (Толковый словарь русского языка Ушакова)

лей, спрятавшись под огромным зонтом, обезображенным пестрой пивной рекламой, о чем-то говорили, лениво делая глотки из стоящих перед ними пивных бокалов.

– С Вашего разрешения, Иннокентий Аркадьевич, я включу диктофон, – молодой, около тридцати лет массивный мужчина с пышной шевелюрой выющихся крупными кольцами черных волос, делающих его похожим на Пушкина, положил на столик черную коробочку диктофона. Схожесть с поэтом усиливало и то, что его также звали Александром Сергеевичем. Правда фамилия у него была другая, Ермаков.

Его собеседник был постарше. В его короткой шкиперской бородке, переходящей в густые бакенбарды отчетливо пробивалась седина, теснящая ее природный рыжий цвет. «Шкипер» чуть шевельнул кистями рук, лежащими на столе, что в такую жаркую погоду должно было обозначать разрешение:

– Вы, Александр... простите, забыл отчество...

– Просто Александр, можно Саша.

– Александр, Вы заплатили за мою информацию и вправе делать с ней, что хотите. Записывать на диктофон, в записную книжку, публиковать в газете или выкладывать в Интернете. Мое условие одно – моя фамилия не должна быть названной.

– Я Вас в статье буду называть хорошо осведомленным источником. Знаете, как часто пишут: «От хорошо осведомленного источника нам стало известно...»

– Согласен. Хорошо осведомленный источник информации звучит намного лучше, чем «лицо, пожелавшее остаться неизвестным». Звучит как-то.... не красиво, Вы не находите, Саша? – мужчина улыбнулся, вопросительно глядя на своего собеседника.

– Дело вкуса, – коротко ответил тот. – Итак, Я Вас слушаю, Иннокентий Аркадьевич.

Человек со шкиперской бородкой бросил короткий взгляд на Александра, улыбка исчезла с его лица, сменившись жесткой складкой в уголках рта.

– Та ночь была душной. Сильный ливень, шедший накануне, так напитал землю влагой, что когда пригрело солнце, все превратилось в парилку. Дежурство было спокойным. Больные не беспокоили, и я прилег на диван в своем кабинете дежурного врача. Чуть слышно работал кондиционер, и я, набегавшись днем по душному городу, честно говоря, вздремнул. Проснулся я около трех часов ночи.

– Отчего? Вас что-то побеспокоило?

Иннокентий Аркадьевич вновь бросил короткий взгляд на своего собеседника. Тяжело вздохнул.

– Я скажу. Вы заплатили неплохие деньги, а я человек честный... стараюсь им быть. Поэтому эти деньги надо отработать... Да, меня побеспокоило. Нет, вызова с палат не было. На пульте вызовов все лампочки горели зеленым светом. Я проснулся от страха. Знаете, такого липкого страха, когда под мышками вдруг становится потно, а в тебя вселяется паника. Казалось бы, все нормально. Все как обычно. Телефон, телевизор, холодильник, пульт вызовов – все на месте, ничего необычного, в кабинете, кроме меня никого, а тебе страшно, очень страшно.

За столиком воцарилась тишина.

– Иннокентий Аркадьевич, продолжайте, – мягко сказал Александр.

– Я вскочил, включил свет. Но страх не исчез, он, по-моему, только усилился. Я почувствовал, что еще несколько секунд, и я закричу. У меня мелькнула мысль, что надо увидеть хоть какое-то знакомое лицо и тогда я успокоюсь. Я распахнул дверь и последним усилием воли заставил себя не выбежать, а выйти в коридор. Слева от двери кабинета дежурного врача стоит столик дежурной медсестры. В ту ночь вместе со мной дежурила Евгения Александровна, опытный работник, работающий у нас со дня открытия клиники. Но ее за столом не было. Горела настольная лампа, на столе лежала какая-то открытая книга, а Евгении Александровны не было! Да, Вы сейчас можете сказать, ну и что. Мало ли куда может отлучиться дежурная

медсестра. Например, в тот же туалет. Но тогда я этого не понимал. Уже в полуобморочном состоянии я подскочил к ее столику и нажал кнопку вызова. Но звонка не последовало!

По Иннокентию Аркадьевичу было видно, что вспоминая события той ночи, он сильно волнуется. Несмотря на то, что двое мужчин сидели под большим зонтом, полностью накрывавшим их своей тенью, и в парке гулял небольшой, приятно освежающий ветерок, у врача выступили бисеринки пота на лбу. Он схватил бокал и сделал большой жадный глоток. Краем глаза Александр увидел, что ранее скучающая за стойкой официантка, теперь удивленно и любопытно смотрит на них.

– Успокойтесь, Иннокентий Аркадьевич. Все уже позади. Вы еще пиво будете?

– Да... пожалуй, да.

Александр теперь открыто посмотрел на официантку. Та, застигнутая врасплох в своей наблюдающе-любопытной стойке, нисколько не смутившись, улыбнулась мужчине вызывающей улыбкой сорокалетней одинокой женщины.

– Еще бокал «Балтики семь», пожалуйста.

Выполнив заказ, официантка не спеша вернулась за стойку, лениво покачивая бедрами, стиснутыми черными джинсами.

Увидев, что его собеседник несколько успокоился, Александр произнес:

– Значит Вы говорите, что звонка не последовало?

– Да, не последовало! И тут я почувствовал какую-то опасность сзади. Я обернулся и ...

Александр увидел, что его собеседник замер с полукрытым ртом. Его такой же, как и замерший рот, взгляд смотрел на что-то за его спиной. Служба в десанте, а затем работа журналистом, ведущим собственные расследования, в газете «Грязные тайны России», приучили к тому, что на некоторые вещи нужно реагировать мгновенно. Вид человека с полукрытым ртом, не в силах закончить начатое слово и с остановившимся взглядом, направленным куда-то за его спину, означал только одно – сзади опасность.

Александр пружинисто вскочил, резко разворачиваясь корпусом. В любом случае опасность лучше встречать стоя на ногах и глядя ей в лицо, а не спиной и сидя.

На площадку кафе входило двое – парень и девушка. Обычные молодые люди, одетые в джинсовые костюмы. Только на девушке он был белый, а на парне синий. Они спокойно, без всякого удивления или улыбки посмотрели на растерянного Александра, застывшего в нелепой для этого места и ситуации позе – прижатые к бокам и сжатые в кулаки руки, ноги, расставленные на ширине плеч. Они сели через два столика от Александра и его собеседника. К ним тут же подошла официантка, предварительно бросив на журналиста испуганный взгляд.

«Черт бы побрал этого Иннокентия Аркадьевича. Из-за него клоуном тут выступаю».

– Что случилось, Иннокентий Аркадьевич? – пересилив свой гнев, спросил Александр.

– Да нет... нет... просто мне вновь стало страшно... как тогда, в клинике.

«Да ему к психиатру надо. После того, что с ним случилось, у эскулапа, по всей видимости, сдали нервы. Но, это его проблемы. Мне надо с него выкачать все, что он знает. Тем более, что за это уплачена довольно неплохая сумма».

– Кстати о клинике. Так что Вы увидели, когда обернулись?

Иннокентий Аркадьевич вновь жадно припал к бокалу. Его кадык некрасиво заходил вверх-вниз.

«Придется третий бокал ему заказывать. Хорошо устроился мужик, – стараясь не смотреть на прыгающий перед глазами кадык, подумал Александр. – Хлещет пиво задарма, в его дипломате лежит пачка денег, пусть и не в свободно конвертируемой валюте, но зато приятной для рук толщины. А тут не только сиди и слюни пускай, чтобы потом не пускать их, отдавая свои кровные гиббону², так еще и клоунату исполняй».

---

² Гиббон – инспектор ГИБДД (жарг.)

– Я увидел... пламя, – наконец выдохнул врач, косясь на парня и девушку, сидящих за спиной журналиста. – Понимаете, какое-то необычное пламя. И клянусь, секунду назад его не было. Когда я открывал дверь своего кабинета, когда шел к столу дежурной медсестры, его не было. Я не мог его не заметить! Ведь оно было в пяти метрах от меня. Да и жар от него... Оно возникло мгновенно и бесшумно. Как в кошмарном сне. Вот знакомый коридор. Горит дежурное освещение. Потом раз и пол, стены, потолок мгновенно охвачены огнем. Знаете как в голливудских фильмах, пламя аж заворачивается в трубу и сразу мощный гул воздуха, рвущегося в эту трубу. Трудно было устоять! И нестерпимый жар в лицо. Я в ужасе кричу, пячусь к выходу, и чувствую затылком такой же жар сзади. Оглядываюсь, в метре от стола тоже пламя! Стена огня! Я бросаюсь к себе в кабинет, хватаю стул, разбиваю окно и выпрыгиваю на улицу. Благо первый этаж. И тут же мой кабинет охватывает пламя! Понимаете, мгновенно! Раз и из дыры, что я пробил в окне, бьет пламя, будто в кабинете кто-то поставил гигантский газовый резак, – Иннокентий Аркадьевич в один глоток осушил второй бокал пива.

– Скажите, а кроме этого пламени, Вы что-нибудь еще необычного не заметили? Или посторонних людей? Или, может быть, Вам показалось, что Вы увидели кого-то незнакомого?

Врач бросил какой-то испуганный, нет, скорее затравленный взгляд на Александра по которому тот понял, что его собеседник что-то или кого-то видел в клинике в момент пожара.

– Так что Вы видели, Иннокентий Аркадьевич?

– Да нет, ничего... глупости все это... ничего я не видел, – он энергично затряс головой, словно отгоняя от себя какое-то воспоминание.

– Иннокентий Аркадьевич, Вы же не в прокуратуре, я не следователь, да и деньги заплачены, – журналист «дожимал» своего собеседника.

При слове «прокуратура» у врача не лице мелькнула гримаса отвращения, он даже чуть вздрогнул. Очевидно, воспоминания о посещении этого места были ему неприятны.

«Так, дерьмицо в тебя плеснули, а теперь чуть вспрыснем елеем»

– А если материал главреду покажется интересным, то возможно будет еще одно интервью с Вами, естественно не бесплатно.

«Шиш тебе, а не деньги еще. Бульдозер за одно и тоже дважды не платит».

– Да понимаете, чушь все это, показалось. Тем более, Вы же понимаете, Александр, в каком я был состоянии.

– И все же. Мы же не официальная пресса, можем себе позволить и непроверенную информацию. Да и вообще, газетная «утка» и без мяса дает хороший навар, – Александр процитировал одно из выражений Александра Никифоровича Булыгина, главного редактора еженедельника «Грязные тайны России». Для своих журналюг он отзывался на незатейливое Никифорович. Ну а за глаза, ласково его те же журналюги называли Бульдозером, за непреклонность в достижении поставленной цели.

Как он и рассчитывал, этот афоризм немного развеселил собеседника, как бы говоря ему: «Ну конечно тебе показалось. Но нам надо знать, что тебе показалось и знать лишь для одного, наварить на этом деньгу. Так что не переживай и выкладывай свою сказку».

– Понимаете, там, в пламени, и в коридоре, а потом и в разбитом окне моего кабинета я увидел... мне показалось, что я увидел...

– Кар-р, – громко, отчетливо прозвучало в чистом весеннем воздухе.

От этого неожиданного, резкого звука собеседник журналиста стусевался.

– Так что Вы видели, Иннокентий Аркадьевич?

– Нет, ничего...

И тут Александр, ни мгновения не колеблясь, приступил к решительным действиям, чтобы добыть нужную информацию. Именно за эту его решительность Бульдозер поручал ему самые интересные темы, нередко становившиеся гвоздем номера. Журналист, быстро нагнув-

шись, схватил, стоящий, прислоненный к ножке стола дипломат врача и ловко положил себе на колени.

– Что Вы делаете?!

– Вы нарушили договоренность, рассказать все, что Вы видели в ночь пожара в клинике. Поэтому я забираю у Вас свои деньги, а Вам на память о нашей встрече оставляю диктофон, – щелчок пальцем и миниатюрное электронное устройство скользит по столу к Иннокентию Аркадьевичу.

– Ну хорошо, я скажу, скажу.

Кар-р, кар-р, кар-р, – голосила где-то рядом кем-то потревоженная воронья стая.

– Там в пламени я увидел фигуру человека.

– Вы могли бы его подробней описать? – Александр протянул «дипломат» его хозяину.

– Белая... словно призрак...

– Сквозь нее просвечивалось пламя?

– Да... пожалуй, да.

– А во что этот человек был одет?

Врач пожал плечами.

– Трудно сказать, не обратил внимания, – было видно, что собеседник журналиста, отвечая на четкие, конкретные вопросы несколько успокоился.

– Судя по тому, что Вы сказали: «Белая», это была женщина?

– Пожалуй... женщина.

– Почему Вы так решили?

– Тоненькая, хрупкая была фигурка, и волосы были длинные.

– Вы разглядели волосы? – недоверчиво переспросил Александр.

– Трудно было не разглядеть эту гриву, бьющуюся словно флаг на ветру. Вы просто не представляете, какая там получилась тяга от этого пламени. Словно аэродинамическая труба!

– Все?

– Пожалуй, все. Нет, точно все! – врач, словно испугавшись, что журналист уцепиться еще за что-то, снова начнет отбирать деньги, был категоричен.

– Хорошо, Иннокентий Аркадьевич, спасибо за интервью. Если у меня возникнут какие-то вопросы при его расшифровке, – кивок на диктофон, я с Вами свяжусь. Номер Вашего телефона у меня есть, – и, не давая своему собеседнику вставить хоть слово в возражение, быстро спросил. – Вас подвести? У меня еще есть час времени.

– Нет, нет, спасибо, – торопливо ответил врач. – Я хочу спокойно пройтись, подышать свежим воздухом.

– Ну, как знаете, хозяин барин, – Александр поискал глазами официантку, чтобы расплатиться.

Но тут в кафе шумно зашла ватага разнополых семнадцати-восемнадцатилетних подростков.

– Не гони, Серый. Раз такое дело, я тебя прошу, ты не газуй со старта, может просто попиздим, да и разойдемся, я жрать хочу, как пёс.

– А я и не газую. Но я завтра должен бабки отдать Матросу. Если нет, он товар другому сдаст. Желаящие на него найдутся! Он, хотя бы Ленка возьмет! Да, Ленчик? – высокий черноволосый парень, с повязанной на голове черной бандане, обильно обляпанной черными черепами, обнял за плечи идущую рядом с ним тоненькую девчушку со смешно торчащими двумя светлыми косичками.

Вся компания весело и, как показалось Александру, несколько глумливо захохотала.

Тот, который хотел «жрать как пес», облокотившись на стойку, произнес:

– Три двухлитровых «Арсенального» и шесть пакетов чипсов.

– Коля, возьми еще пачку «Элема», – тоненьким голоском попросила Лена.

Коля вопросительно посмотрел на облокотившегося на узкие девичьи плечи парня в бандане. Тот милостиво бросил:

– Давай. Разве можно женщине отказать.

И вновь компания весело-глумливо захохотала. Официантка быстро обслужила подрастающее поколение.

Смеясь, компания двинулась к одному из свободных столиков. Сразу бросалось в глаза, что Серый – высокий парень в бандане с черепами здесь главный, вожак. Он единственный, да еще девушка Лена, которую он обнимал за плечи, не нес ни пива, ни чипсов, ни бокалов. Проходя в узком проходе между двумя столиками он зацепил локтем голову, откинувшегося на спинку стула парня, пришедшего в кафе с девушкой несколькими минутами раньше.

– Можно поосторожней!

– Ты бы еще лег! – Серый, мгновенно срисовав и оценив сидящего за столиком парня, а также его спутницу, решил покуражиться. – Не у себя дома сидишь, козел!

Сидящий парень вскочил. Он оказался чуть ли не на голову ниже своего обидчика. Да к тому же, как заметил Александр своим профессиональным взглядом журналиста, у него одно плечо было выше другого.

Компания, в предвкушении развлечения, привычно выстроилась полукругом.

– А ну извинись, – невысокий парень исподлобья смотрел на своего противника.

– Серый, извинись, – захохотал один из стайки тинэйджеров. – А то он смотри какой, уебет и умрешь.

Взрыв хохота, сквозь которое донеслось едва различимое:

– Олег, успокойся. Не связывайся с ними.

– Пошлите отсюда, – Иннокентий Аркадьевич вскочил с места. – Вы говорили, что на колесах. На Гиляровскую не подбросите?

– Вы же хотели подышать свежим воздухом?

– Уже передумал! Пошлите! – и врач решительно направился к выходу.

– Ты не слышал, что твоя телка сказала, а ну катись отсюда, – раздалось за спиной Александра.

Он понимал, что сейчас начнется драка. Трое пацанов, не считая сопровождающих их двух девиц, на одного невысокого щупленького паренька. Все его мужское достоинство и армейское прошлое бунтовало против того, чтобы сейчас уйти.

– Подождите, Иннокентий Аркадьевич, я сейчас, – он хотел подойти к щупленькому пареньку и парню в бандане и в нагловато-непреклонной манере приказать: «А ну разошлись, пацаны».

Александр по опыту знал, что его уверенный тон и вид высокого, массивного, под два метра роста и сто двадцать килограмм веса, «шкафа» действовал на многих отрезвляюще. Он не успел.

– Ну что, жертва аборта, помочь уйти? А телку свою можешь оставить!

Душераздирающий крик заглушил начавшийся было гогот.

Когда Александр обернулся, Серый, закрыв лицо руками, катался по полу.

– Ах ты, сука! – двое его дружков кинулись на невысокого паренька.

Журналист на мгновение замешкался. Наблюдаемая им ситуация явно противоречила картинке, которую он спрогнозировал – валяющийся тщедушный паренек, дружно пинаемый ногами молодыми волчатами. Валялся как раз вожак стаи.

Александр так и не понял, что произошло. Паренек вроде один раз резко взмахнул руками и тут же еще два вопля присоединились к первому, слившись в один истошный ор.

«А паренек то не прост. Приемчиками владеет что надо».

Девушка, тем временем, схватив парня за руку, потащила его к выходу мимо неподвижно стоявшего журналиста. Взгляды парня и Александра на мгновение скрестились. И тот вздрогнул, столько ненависти было в этих темно-серых, как городской лед глазах.

– Пошли же, пошли, – услышал он голос девушки.

Та буквально тащила одной рукой парня за собой, а другой сбрасывала, падающие на лицо длинные, каштановые волосы.

– Саша, Вы хотите разбирательств с милицией? – к журналисту подошел врач. – Я лично не хочу. Два раза в неделю общения с этой конторой для меня это уже слишком.

– Ладно, пошлите, Иннокентий Аркадьевич, – мужчина еще раз посмотрел на вопящих подростков.

Парня и девушки он не обнаружил, те словно сквозь землю провалились. Длинная аллея, вдоль которой они пошли, сейчас была пустынна. Где-то в глубине парка громко каркали вороны.

«Да ладно. Я же не репортер криминальной хроники, а журналист, ведущий собственные расследования. Да и пацаны сами виноваты. Нарвались».

Уже перед самым выходом из парка за спинами двух мужчин с шумом взмыла стая ворон, пролетела над их головами и, описав размашистый полукруг, скрылась за стеной дома, стоящего напротив входа в парк.

«Интересно, так как тот парнишка сумел уложить трех пацанов? Спросить бы. Может и мне когда-нибудь это пригодилось бы», – проводив черных птиц взглядом, журналист вместе со своим спутником сел в свой автомобиль.

Через полминуты серебристый УАЗ «Патриот» растворился в нескончаемом потоке машин, несшихся по Селезневской улице.

А по окончательно опустевшей аллее парка легкий ветерок лениво тащил разорванный пакет с застрявшими в нем несколькими кружочками жареной картошки. На ярко-желтой поверхности пакета было витиевато написано: «С гриба...». Слово обрывалось на обугленном крае фольги.

Вороны, в отличие от человека, далеко улетать не собирались. Перелетев площадь, они выбрали по своему птичьему разумению подходящее место – двор многоэтажного дома и сели в него, спугнув нескольких воробьев. Во дворе и без них уже кипела жизнь. Торопливые воробы и валяжные голуби выискивали пищевые остатки, которыми щедро удобряла землю человеческая цивилизация. Молодые и не очень мамашки выгуливали своих первенцев и просто отпрысков. Дети постарше носились по двору, оглашая его своими звонкими голосами, головные связки которых еще не знали вкуса сигарет и алкоголя. И словно подыгрывая этому размашистому ритму жизни, блестели в солнечных лучах многочисленные окна домов, омытые недавними сильными ливнями.

Воробей, нахально стащив из-под клюва медлительного голубя корочку хлеба, взмыл с ней ввысь и из последних сил волоча тяжелый для себя груз, сел на козырек окна на третьем этаже и торопливо загвоздил по добыче. Маленький комочек торопливо впихивал в себя хлеб, косясь и на небо, и на рядом находящееся окно, опасаясь нападения. Глупая птичка не знала, что со стороны окна опасность ему не угрожала. За ним никого не было. Солнечные лучи, проникая через неплотно задвинутые шторы, освещали большую спальню, блестели на многочисленных разноцветных флакончиках и баночках, стоящих на трюмо, отражались от его большого зеркала, бросая зайчик на просторную кровать, точнее на лицо женщины, лежащей на ней. Сползшее на пол одеяло обнажало уже немолодое, рыхлое тело, упакованное в дорогое французское нижнее белье. Ярко-красный бюстгальтер нелепо задрался одним концом вверх, обнажив левую грудь, похожую на сморщенное маленькое яблочко с большой червоточинной – темно-коричневым соском. Женские кружевные трусики валялись рядом с женщиной на

кровати. Но их почти не было видно из-за огромного ярко-красного кровавого пятна, залившего полкровати. Нетрудно было увидеть источник этой крови. Разведенные в разные стороны ноги женщины открывали неприглядную картину – развороченное влагалище с всунутыми туда по самые рукоятки щипцами, которыми обычно раздавливают череп ребенка при аборте на одиннадцатой-двенадцатой неделях. Рядом с залитыми кровью щипцами лежал специальный хирургический петлеобразный нож – кюретка, которым выскабливают матку после аборта, удаляя с нее остатки детского места.

Было очевидно, что женщине делали аборт, притом без всякого обезболивания – на лице, освещенном солнечным зайчиком, застыла ужасная гримаса боли, рот был раскрыт в последнем страшном оскале-крике, в выпученных глазах навсегда застыли расширенные зрачки. Руки, также как и ноги были раскинуты в стороны. К запястьям и к лодыжкам были привязаны тонкие капроновые веревки, другими своими концами прикрепленные к ножкам кровати. Натяг был такой, что женщина была будто распята на своей кровати. Бившись в агонии, уже не ощущая никакой боли, кроме ужасной боли в паху, она до костей порезала веревкой руки на запястьях. Но крови там было немного. Вся она ушла через влагалище.

В мертвой тишине квартире раздался щелчок открываемого замка. Входная дверь открылась и в квартиру вошла молодая девушка, одетая в голубые джинсы и ярко-красную футболку. Она быстро подошла к телефону, висевшему на стене в коридоре, набрала номер.

– Алло, это охрана? Дом пятнадцать квартира тридцать восемь. Пароль – Лермонтов. Снимите с охраны. Не ставилась? Извините... – девушка быстро окинула взглядом прихожую, пытаясь понять, хозяйка квартиры, у которой она работала приходящей домработницей дома или нет.

– Гаянэ Оганесяновна, вы дома? – позвала она тихо.

Тишина. Девушка заглянула в кухню, прошла в залу и несмело потянула прикрытую дверь в спальню.

– А-а-а, – жутко раздалось в мертвой тишине квартиры.

Вопль заметался по комнатам, рассеиваясь на мебели, утопая в шторах и иссякая, пробиваясь сквозь окна. Лишь какой-то невразумительный звук вырвался наружу, тут же заглушенный детскими веселыми криками и щебетанием птиц.

Уловив какое-то движение за окном, недовольно чирикнув, схватился ввысь, в голубое небо воробей, волоча за собой недодолбленную корку хлеба. С высоты, которую он набрал, можно было заметить серебристый УАЗ, стоящий на светофоре, на углу Селезневской и Достоевского. Но воробью никакого дела не было до этого автомобиля. А Иннокентий Аркадьевич, сидящий с закрытыми глазами рядом с Александром Ермаковым, и не подозревал, что он лишился не только клиники, в которой он работал, но и своего непосредственно начальника, заведующую гинекологическим отделением Гаянэ Оганесяновну Мкратачян.

А из автомагнитолы наружу рвался грубый голос Шнура:

Последняя сенсация!

Вы узнаете об этом первым!

Крысы-мутанты в башнях Кремля

Подросток повесился из-за рубля

Тайная жизнь двойника депутата

Сёстры насилюют друга их брата

Куртка-убийца, утюг спас ребёнка

На проклятом месте лежала клеёнка

Их погубили радиоволны

Вот и пришёл он самый полный

Полный пиздец!

* * *

Длинные гудки телефона были невыносимы. Казалось, каждый протяжный сигнал медленно, словно желая усилить ее мучения, загонял в душу по одной холодной игле:

– Ту-у-у, ту-у-у, ту-у-у.....

Абонент не отвечал. Лена сжав пластиковый прямоугольник телефона в кулачке, затравлено оглянулась вокруг. Двор пятиэтажной хрущевки на окраине Перми. Издающие душе-раздирающие скрипучие звуки несколько качелей ржаво-неопределенного цвета, которые, под присмотром мамашек, терзала малышня. Рядом – железные остовы лавочек. Молодая поросль постарше освоила полусгнивший ствол дерева, упирающийся своим концом в каменную стену гаража, густо разрисованного дворовым граффити. Первобытные неандертальцы, рисовавшие свои незатейливые рисунки на стенах пещер, наверное, густо бы покраснели при виде «творчества» их далеких потомков» – любовные надписи, затейливо вплетенные в вязь ненормативной лексики, для наглядности проиллюстрированной порнографической анимацией.

Лене окружающий пейзаж был знаком, точнее девушка составляла с ним органическое единое целое, поэтому человеческий мозг не тратил свои ресурсы на обработку поступающей внешней информации, а был сосредоточен на другой, значительно более важной задаче – дозвониться! Дозвониться, во что бы то ни стало! Точнее, никакой задачи не было, а было сплошное отчаяние, затопившее хрупкое тельце девушки от небольшого русого хвостика на макушке до кончиков маникюренных ногтей на ногах.

Палец отчаянно сделал несколько движений, нажимая на кнопки телефона. На его экране высветилось: «Лешенька». И вновь тягуче-безнадежное:

– Ту-у-у, ту-у-у, ту-у-у.....

– Козел!!! – девушка сердито швырнула телефон в красную сумочку, висевшую на ее плече.

С полусгнившего остова дерева раздался взрыв гогота. Там на «ура» прошел очередной анекдот. Девушка презрительно взглянула туда и быстрым шагом направилась к выходу из двора. Но пройдя всего несколько метров, Лена замерла, ее лицо скривилось в болезненной гримасе, секунда и, закрыв рот рукой, она почти бегом бросается к гаражу, разрисованного дворовым граффити.

– Папа, а ты кого больше хотел – мальчика или девочку? – Вообще-то, я просто хотел приятно провести время... – очередной взрыв гогота, накрывает девушку как ударная волна после взрыва.

Девушку сгибается, из ее рта низвергается наспех проглоченный полчаса назад завтрак – бутерброд с маслом и чашка кофе.

Гогот мгновенно прекращается.

– Ленка, блядь! Ты бы еще нам прямо под ноги блеванула!

– Да пошли вы! – девушка, торопливо вытерев рот платком, быстро покидает двор.

Через пару минут к гаражу, косясь на смеющихся в трех метрах людей, осторожно приближается бездомный кот. Понюхав человеческие испражнения, он обходит их и понуро удаляется куда-то за гараж – ничего съедобного не обнаружено.

– ... поза шестьдесят девять, чувствую – "подходит"... Достал пистолет, как ебну в потолок... Мало того, что мне на лицо насрали, так еще и сосед из шкафа с поднятыми руками вышел...

«Господи, ну что же делать? Мать своими причитаниями, что кроме меня еще и моего ребенка ей на шею собираюсь повесить, изведет. И все сроки уже вышли... – женский пальчик вновь на клавиатуре телефона повторяет знакомый маршрут. Вызов. – Ну, Лешенька, миленький, ответь! Ну ответь, пожалуйста...»

– Ту-у-у, ту-у-у, ту-у-у.....

Ни гогочущая компания, ни Лена с заплаканными глазами, ни тем более бездомный кот не обратили никакого внимания на сгустившееся над двором облачко. Даже не облачко, пятнышко, будто легкая взвесь пыли невесты откуда материализовавшаяся в пяти метрах над землей. А может это и была пыль, почти сразу сдутая легким ветерком в сторону расположенного в пятистах метрах огромного города мертвых – Южного кладбища Перми.

Глава 2

– Ну что, господа-товарищи будем делать?

По этой фразе сотрудники убойного отдела МУРа поняли, что надвигается гроза. Нет, конечно, начальник отдела полковник Мурдашев Сергей Павлович стружку снимать мог и при необходимости это и делал. Без этого, наверное, не сияли бы у него на плечах три больших звезды, и не сидел бы он в кабине со скромной табличкой на двери: «Начальник второго отдела». Но если СП, как уважительно называли полковника Мурдашева в МУРе, говорил «господа-товарищи», то все, предстояло снятие стружки не ручным рубанком, а на фуговальном станке.

– Сегодня я был на ковре в министерстве. Долго описывать, что там со мной делали не буду, доведу лишь следующее. Если за неделю мы не получим и не доложим наверх о конкретных, подчеркиваю, конкретных результатах расследования, а не о наших домыслах и предположениях, то к делу будут подключены специалисты из дружественного нам управления, – начальник отдела, сделав ударение на слове «дружественного», скривился. – А это позор для отдела! Чтобы «убойникам» кто-то помогал! – Мурдашев начинал понемногу заводиться, беря разгон для жесткого снятия стружки.

Оперативники отдела сидели притихшие. Перспектива пахать не только на себя, но и на ребят с ГУБОПа не прельщала. А ведь именно так и будет. По иерархии Главное Управление по борьбе с организованной преступностью стояло выше, чем отдел московского уголовного розыска. Они будут дневать и ночевать на улицах города, вынимать душу из своих информаторов, жестко, в момент задержания, пока не пришли в себя, допрашивать задержанных, рискуя потом получить разнос сверху за превышение служебных обязанностей. А если к тому же это еще был и какой-нибудь «крутой», что бывало очень часто – «убойный» отдел МУРа по мелочам, на простых делах не работал, то оперативников будут иметь во все дырки, и шкуру с них будут спускать будь здоров, без вазелина и наркоза. Словом «убойники» будут проводить обычную милицескую работу. Но вот сливки после раскрытия снимут не они, а убоповцы. На то они и с управления. Притом главного. То, что раскрытие будет, «убойники» не сомневались. Они кололи любые «крепкие орешки». Вот только сколько на это понадобится времени... А дана неделя. Эх, тяжела бывает ментовская судьба.

– Поэтому поступим следующим образом, – СП занял свою любимую позу – сцепил руки и наклонился корпусом на стол, опираясь на локти. – Сейчас еще раз пройдемся по делу. В процессе доклада любой, невзирая на звание и должность имеет права сразу высказываться и вносить предложения. Но перед этим, чтобы мозги у вас, друзья-товарищи, работали как компьютеры, я их немного взбодрю, – Мурдашев открыл лежащую перед ним черную кожаную папку.

Все взгляды скрестились на забелевших в ней листках бумаги.

– Тут заверенные мной и даже уже заверенные печатью приказы. Дата приказов – четвертое июня, то есть ровно через неделю, – полковник взял верхний лист. – Подполковнику Кравченко объявить строгий выговор и объявить о неполном служебном соответствии, – в руках начальника отдела появился следующий лист. – Майору Долинину объявить строгий выговор. Капитану Зеленцову объявить выговор. Капитану Сиротину объявить выговор, – стопка непро-

читанных листков быстро уменьшалась. – Старшему лейтенанту Северцеву объявить выговор. Лейтенанту Шевцову объявить выговор. – В папке остался лежать непрочитанным последний лист. – Полковнику Мурдашеву объявить строгий выговор, объявить о неполном служебном соответствии и лишить премии по итогам работы за квартал. Вот так, господа-товарищи. А теперь, Николай Петрович, еще раз напомните нам суть дела.

Подполковник Кравченко, назначенный руководителем группы оперативников, расследующих дело номер двести двадцать девять дробь одиннадцать, тихим глухим голосом заговорил:

– Двадцать первого мая сего года примерно около трех часов ночи начался пожар в частной клинике, расположенной по адресу: Калашный переулок, дом шесть. Усилиями пожарных через час пожар был потушен. При осмотре места пожара были обнаружены два трупа. Впоследствии было выяснено, что трупы принадлежали врачу клиники, дежурившему в ней в ночь пожара, Сергеевой Маргарите Львовне, семидесятого года рождения и старшей медсестре Бурдюковой Анастасии Павловне, шестьдесят четвертого года рождения. Проведенная пожарно-техническая экспертиза установила, что возгорание началось сразу в нескольких местах: в операционной, в кабине главврача, в кабинете заведующего отделением и в приемной.

– То есть это поджог?

– Так точно, товарищ полковник. Но причин возгорания экспертиза не выявила. Судмедэкспертиза трупов показала, что смерть наступила в результате сильных термических ожогов. Другими словами. Эти люди не задохнулись в дыму, а просто заживо сгорели.

– Сигнализация, камеры видеонаблюдения?

– Сигнализация не срабатывала, камеры видеонаблюдения ничего не зафиксировали.

– Понятно. Дальше.

Двадцать второго мая также примерно около трех часов ночи вспыхнула частная клиника на Алтуфьевское шоссе, дом двадцать семь. Проведенная после пожара экспертиза установила сходные с клиникой в Калашном переулке особенности. А именно, пожар начался сразу в нескольких местах: в операционной, в приемном отделении, в кабинетах главного врача, зав. отделением и кабинетом дежурного врача. Причины возгорания выяснены также не были. Во время пожара погиб дежурный врач Волгина Светлана Игоревна, семьдесят четвертого года рождения. Она также сгорела живьем.

– А дежурная сестра? – тут же спросил Мурдашев.

– Мы выяснили, что в ту ночь дежурила Кривцова Вероника Сергеевна, пятьдесят восьмого года рождения. Буквально накануне пожара, в два часа ночи к ней позвонила ее тринадцатилетняя внучка Маша, которая ночевала у нее дома и сообщила, что она услышала, как щелкнул замок во входной двери, а потом раздались шаги в прихожей и в зале. Перепуганная женщина, с ее слов, отпросилась на один час у дежурного врача и побежала домой. Пока она отсутствовала, клиника загорелась.

– Николай Петрович, вы все, связанное с этой сестрой вы проверили?

– Ну, конечно, Сергей Павлович. Самым тщательным образом. Мать Маши, являющаяся дочкой Кривцовой, вместе с мужем пять дней назад уехали отдыхать в Египет, поэтому Маша временно жила с бабушкой. От клиники до квартиры, где живет Кривцова можно идти примерно за двадцать пять минут. Туда-обратно – пятьдесят минут. По словам Кривцовой, она в квартире ничего подозрительного не обнаружила, успокоила внучку и сразу же пошла назад. Уже подходя к клинике, она увидела, как вспыхнул пожар.

– А Вы замок в квартире Кривцовой осматривали?

– Так точно. Следов отмычки не обнаружили. Да и вообще, у Кривцовой дверь имеет довольно массивный засов. Поэтому проникнуть в квартиру через дверь, даже открыв замок, невозможно.

– А что, внучка этого не знала?

– Знала, конечно, Сергей Павлович. Но знаете, ребенок... – подполковник развел руками.

– Хорошо, дальше, – приказал начальник убойного отдела.

Третий пожар в частной клинике вспыхнул двадцать третьего мая. На этот раз горела клиника «Оракул» на улице Гончарной, дом двадцать два. Картина схожая с пожарами в первых двух клиниках – возгорание сразу в нескольких местах. Причина пожара неизвестна. На этот раз погибла дежурная сестра Одинцова Евгения Александровна, пятьдесят пятого года рождения. Но на этот раз у нас появился свидетель – дежурный врач Семаков Иннокентий Аркадьевич. Он подтвердил, что пожар начался в нескольких местах одновременно и абсолютно неожиданно. Более того, по его словам, когда пожар вспыхнул одновременно с двух сторон в коридоре, ведущим от входа внутрь клиники, он был вынужден, спасаясь, выпрыгнуть в окно со своего кабинета на улицу. И едва он выпрыгнул, как тут же там вспыхнуло пламя. Хотя еще несколько минут назад и намека на возгорание в его кабинете не было.

– Он что-нибудь заметил?

– Никак нет, Сергей Павлович.

– Что еще по этому делу?

– Вчера в своей квартире был обнаружен труп заведующей отделением клиники «Оракул» Гаянэ Оганесяновны Мкратачян, шестьдесят восьмого года рождения. Женщина проживала одна. Труп обнаружила приходящая домработница. Как показало вскрытие, женщина погибла двадцать третьего мая, около трех часов ночи, то есть примерно в то же время, когда горела ее клиника. Погибла от большой потери крови. Ей инструментами, с помощью которых проводятся аборт, вырезали матку. Точнее, вырывали ее кусками. И еще экспертиза в крови женщины обнаружила препарат "Налоксон". Его применяют для вывода человека из бессознательного состояния.

– То есть женщину кололи этим "Налоксоном", чтобы она не потеряла сознание и чувствовала всю эту боль до конца? – Мурдашеву, как профессионалу, в первую очередь важна была информация. И жестокость убийц тоже была информацией.

– Кроме того в крови обнаружены следы эфира. То есть преступник или преступники предварительно усыпили Мкратачян, затем привязав ее капроновым шнуром к кровати, провели над ней экзекуцию.

– Посторонние отпечатки пальцев или еще какие-либо следы убийц в квартире обнаружены?

– Мы осмотрели замок и окна в квартире. Никаких следов взлома не обнаружено. Поэтому можно предположить, что потерпевшая либо сама впустила своего убийцу в квартиру, либо у убийцы был от ее квартиры ключ. Относительно отпечатков пальцев. В квартире было выявлены отпечатки, принадлежащие трем человекам. Все они уже идентифицированы. Кроме хозяйки квартиры и ее домработницы, они принадлежат дочери погибшей, Ольге Восковской. Девушке двадцать лет, учится в первом медицинском университете. Замужем. Живет с мужем отдельно. По ее словам заходила к матери вечером, накануне убийства. Сейчас в квартире еще работают эксперты, может что-то еще они и выпечят, – в голосе подполковника особой уверенности не было.

– Так хорошо. А что еще говорит пожарно-техническая экспертиза? Что отделались в заключение: «Причин возгорания не выявлено» и умыли руки?

– Пожарники предполагают, что использовался какой-то горючий газ. Предварительно им заполнялось помещение, потом небольшая искра и все полыхает.

– Если бы это был газ, то вспыхнула бы одновременно вся клиника и не только отдельные ее помещения, – тихо проговорил майор Долинин. – И был бы не пожар, а взрыв.

– Все зависит от газа и как им заполнялось помещение. Если с нескольких сторон, то он может просто не успел заполнить весь объем, – тут же парировал подполковник.

– Но что за газ, пожарники также и не сказали, – упрямо гнул майор. – Может такого газа и в природе не существует. Тем более, что никаких посторонних запахов Семаков не почувствовал. Да и куда делись баллоны? Как то же этот газ надо было доставить к клиникам?

– Все пожары происходили глубокой ночью. То есть, когда случайных свидетелей около клиник нет, – торопливо, словно боясь, что его перебьют, заговорил капитан Сиротин, за глаза среди коллег называемый Сирота Казанская. Родители у капитана, слава Богу, были и здоровствовали. Просто сам он был из Казани. – Поэтому баллоны вполне скрытно могли от клиник и увезти.

– Чтобы подать газ в клинику нужны не только баллоны, – задумчиво проговорил Мурдашев. – Нужны какие-то отверстия в здании. И их должно быть несколько, так как возгорания происходили сразу в нескольких местах.

– Мы прорабатывали этот вопрос, товарищ полковник. Никаких отверстий обнаружено не было. Окна в клинике всегда закрыты, так как работают кондиционеры.

– Николай Петрович, а через сами кондиционеры, а?

– И это прорабатывали, Сергей Павлович. Никаких следов их вскрытия обнаружено не было.

– А их и вскрывать не надо. Газ можно пустить через трубки отвода конденсата.

– Мы их тоже осматривали, – не сдавался подполковник. Никаких царапин на них обнаружено не было.

– Ну, если работать аккуратно, то можно обойтись без царапин. Резиновый шланг в эту пластиковую трубку вставил, какие царапины?

Опытный, с двадцатилетним стажем опер МУРа подполковник Кравченко на этот довод своего однокашника по Академии внутренних дел ничего ответить не смог.

– Так что, за основу возьмем, что в клиниках применялся пока неизвестный горючий газ, который подавался через трубки отвода конденсата кондиционеров? Кто против?

– Я, товарищ полковник, – вновь тихо проговорил майор Долинин.

– Почему, Игорь Валерьевич?

Все оперативники отдела знали, что СП возражать было можно. Но возражать, имея неопровержимые доводы. Всякое, типа: «Я думаю», «Я полагаю», «Я уверен» и прочие «Мне кажется» гарантировало немедленный разнос.

– В клинике на Алтуфьевское шоссе в кабинете зав. отделением, который явился одним из очагов возгорания, кондиционера не было.

– В кабине зав. отделением не было кондиционера. В частной клинике?

– Так точно, товарищ полковник. Дело в том, что там была недавно перепланировка. И из одного помещения сделали два. И кондиционер просто не успели установить.

– Так... весомый довод. Но надо этот случай проработать более тщательно. Может выясниться, что в том кабинете, все же какое-нибудь отверстие было.

– И насчет случайных свидетелей ночью. Все клиники расположены на первых этажах жилых домов. Напротив них, кроме клиники на Гончарной, также расположены жилые дома. Три часа ночи. Тишина. Чтобы никто не услышал, как возятся с баллонами, как подъезжает и отъезжает машина – не верю. Кто-то, да должен был что-то видеть или слышать. А мы обошли все квартиры в этих домах. Никто ничего не видел и не слышал.

– Все майор?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Ну, давай излагай.

– Как я уже сказал, мы обошли все квартиры в домах. И выявили десять человек, которые в это время не спали и из окон которых видны клиники.

– Что, на старушек бессонница напала? – усмехнулся Мурдашев улыбкой, от которой у всякого криминалитета, которого он допрашивал за всю свою милицейскую карьеру, часто пересыхало во рту.

– Так точно. Четыре старушки не спали. И шесть молодых людей в возрасте от пятнадцати до тридцати четырех лет сидели за компьютерами.

– С наушниками на голове! – Мурдашев неожиданно поймал себя на мысли, что сейчас не он нападает на своего подчиненного, проверяя на прочность его версию, а, наоборот, защищается, отстаивая свою версию перед подчиненным.

– Двое было без наушников, товарищ полковник.

В наступившей на мгновение тишине СП уловил нечто похожее на тут же смятый и грубо затолкнутый обратно внутрь чей-то смешок.

И высокий милицейский чин почувствовал, как к горлу покатывает хорошо знакомая волна гнева и теперь стоит лишь открыть рот, как этот гнев хлынет наружу, сметая все на своем пути.

– Без разницы. Что в наушниках, что без. Чем они занимались? В игры играли? – Мурдашев усилием воли задержал, готовый вот-вот вырваться гнев.

– Никак нет. Один делал курсовую работу. Другой журналист. Он писал статью.

– Значит так, майор. И Вы, подполковник Кравченко. Я смотрю, как опровергать гипотезы, вы подготовились хорошо! А вот предложить свою, кишка тонка! Как, по-вашему, были осуществлены поджоги всех этих трех клиник? Я вас слушаю, подполковник Кравченко и майор Долинин!

– У нас пока нет правдоподобного объяснения, товарищ полковник, – после паузы ответил начальник оперативной группы.

– У них нет правдоподобного объяснения! Попробуйте мне это сказать ровно через неделю! – начальственный голос громыхал в кабинете уже во всю мощь. – Пойдете учиться в районные отделения! Бытовухи с алкашами и бомжами расследовать!

Еще минут пять Мурдашев давал волю своему гневу. Но как профессионал высочайшего уровня он понимал, что одним разносом ничего не решишь. Сейчас, когда люди, как он считал, прониклись своей виной, легче всего с них выдавить конструктив.

– Какие еще у вас мысли по этому делу? – голос хозяина кабинета резко упал на несколько октав ниже.

– Мы, товарищ полковник, прорабатываем пока только одну версию – конкурентная борьба. Все сгоревшие клиники специализировались на гинекологии.

«Сегодня в Москве сгорела очередная частная клиника, на этот раз расположенная по адресу: улица Гончарная, дом двадцать два. Как сообщили нашему корреспонденту в правоохранительных органах, возгорание произошло примерно в три часа ночи. К сожалению, и на этот раз имеются человеческие жертвы. Правоохранительные органы ведут активный поиск преступников. Основная версия – конкурентная борьба, которая ведется в частной медицине», – Александр Ермаков задумчиво смотрел на экран своего ноутбука.

«Конкурентная борьба? Но сейчас же не лихие девяностые. Те, кто стоит за всеми этими поджогами, должны понимать, что их рано или поздно вычислят. Какие бы большие деньги там не крутились, их не сравнить с торговлей оружием или наркотиками. А значит, о самом высоком покровительстве речь не идет. А силовые структуры, если их не тормозить, могут и из-под земли достать. Нет, что-то тут не так. И эта поразительная ловкость преступников. Сколько уже произошло поджогов, требующих хорошей технической оснащенности и привлечения уж точно не одного исполнителя. И ни малейшего следа, ни одной более-менее внятной зацепки! Нет, что-то тут не так», – журналист продолжал смотреть на лаконичный дизайн информационного сайта.

– Ксюша, привет! Ты, как всегда, обворожительна! Твой звонок так неожиданен! А тебе можно? – черноволосая девушка с короткой стрижкой, впорхнувшая в салон автомобиля, выпалила все это на одном дыхании, словно разрядив скорострельный, но маломощный «Узи» в водителя.

– Можно, можно, – по лицу девушки, сидящей за рулем трехсотильного «Mercedes-Benz ML 500», с длинными светлыми волосами, красиво спадающими на плечи, скользнула гримаска неудовольствия. – Поехали. Я хочу развеяться, – ножка в изящных туфельках от Rene Caovilla мягко дотронулась до педали газа. – Едем в Ред Кап!

– Ой! – в легком вскрике пассажирки можно было уловить причудливую смесь восторга и сожаления. – Ксюша... понимаешь... у меня сейчас с деньгами...

– Не дрейфь, подруга! Все оплачено! – теперь по красивому личику девушки, сжимающей тонкими пальчиками массивный руль, скользнула гримаска удовольствия. Скользнула и, зацепившись за приподнятые уголки рта, так и осталась на лице, приобретя статус выражения.

– Ой! – еще раз, уже громче, вскрикнула ее спутница, уже с чистым восторгом.

Через полчаса черный «Мерседес», промчавшись мимо темной громады Дома книги «Москва», резко осев на рессорах, свернул в переулок и замер в тридцати метрах от здания, над входом в который пылало: «Красная шапочка». Пройдя, плотно заставленное автомобилями пространство, две подружки вошли в клуб, встретивший их оглушающими звуками из песни неувыдающей «Виагры», у которой, не смотря ни на что, как у дракона, всегда три головы, точнее прекрасные головки.

Зайдя в зал, девушки увидели, как на сцене, в свете софитов в огромной синей посудине, напоминающей ванну, заполненной кремом, поднимается молодой парень.

– А теперь милые дамы могут попробовать на вкус непревзойденного Илью! – загрохотало, казалось, со всех сторон.

Последние слова утонули в радостном женском визге и с два десятка девушек всех возрастов ринулись к сцене.

– Не спеши, – Ксения, уловив непроизвольное, рефлекторное движение своей подружки присоединиться к начавшемуся пиршеству, приобняла ее за талию. – Я заказала вип-кабинет, вот там и оторвемся по полной.

Невольно косясь на сцену, где три десятка язычков в азарте и упоение слизывали крем с мускулистого мужского тела, Настенька следовала за своей подругой, уверенно пересекающей общий зал клуба по диагонали.

Вип-кабинет представлял из себя небольшое помещение с большим красным диваном в центре. На небольшом столике стояла большая ваза с фруктами и два бокала, наполненные коктейлями.

Ксения уверенно плюхнулась на диван, хлопнув рядом с собой ладонью:

– Садись.

В дверях бесшумно возник официант – молодой парень в черных солнцезащитных очках, одетый в синие джинсы и красную кожаную курточку, накинутую на мускулистое, загорелое тело.

– Может прекрасные девушки желают что-то еще?

– Для начала молодые девушки желают приват-танец, – Ксения сделал глоток из бокала.

– О! В нашем клубе к вашим услугам есть несколько парней, имеющих красивое и тело, и душу, и готовых их вам показать.

– Ну, их душа нас мало интересует, а вот тело, особенно некоторые его части, даже очень! Да, Настя? – девушка, рассмеявшись, хлопнула свою подружку по коленке.

Официант невозмутимо протянул Ксении раскрытую папку с фотографиями стриптизеров. Две пары женских глаз с интересом заскользили по цветным глянцевым фотографиям молодых мускулистых тел.

– Ну, кого выберем?

Настя неуверенно пожала плечами.

– Что, никогда не выбирала первоклассных самцов? – Ксения вновь громко рассмеялась.

– Может этого? – Настя неуверенно коснулась длинным накрашенным ногтем мизинца фотографии парня с рельефными кубиками мускулов на животе и чьей единственной одеждой были узкие плавки и галстук, раскрашенные в цвета американского флага.

– Не! Чтобы увидеть такое добро не обязательно идти в стриптиз-клуб и платить тысячу рублей за вход. Можно просто за пятнадцать рублей спуститься в метро. Что ты нового и интересного хочешь увидеть у московского мальчика? Что снаружи, что за плавками – ты это десятки раз видела. Поэтому мы выберем вот это, – Ксения уверенно уперлась указательным пальцем в фотографию негра, чьи толстые губы раздвинулись в широкой улыбке, обнажив белоснежные губы. Темно-шоколадную кожу красиво оттеняло узкое белое полотенце, завязанное вокруг бедер.

– На сколько минут Вы желаете заказать приватный танец с Уилсоном? – официант уже обращался непосредственно к Ксении.

– Давай на десять минут. По пять минут на каждую.

– Это будет стоить четыре тысячи рублей.

– Знаю, знаю, – нетерпеливо замахала рукой девушка. Давай зови!

Через пять минут также бесшумно, как и официант, в дверях кабинета возник темнокожий молодой человек.

– Давай, смелей, не стесняйся! – Ксения приглашающе махнула ему рукой.

И тут же в кабинете заиграла зажигательная ритмическая музыка. Девушка вскочила с дивана и, обняв негра за талию, притянула к себе. Тот, в свою очередь, положив свои сильные руки на девичьи ягодицы, волнообразными движениями стал тереться о Ксению, периодически толчками рук, бросая ее на себя. Время от времени танцор словно сползал по блондинке вниз, на корточки, а потом, также медленно, вновь поднимался в вертикальное положение. Когда мужской подбородок очередной раз, скользя вниз, мягко надавил на низ живота, девушке неожиданно стало неприятно. Она даже инстинктивно немного отпрянула назад, словно опасаясь того неприятного чувства, которое последовало тогда, после того же легкого давления на ее лоно, чтобы раздвинуть плоть и войти в нее. Войти не для удовольствия...

– А твоя подружка будет только смотреть? – донесся до Ксении мягкий акцент ее партнера по танцу.

– А... она ждет, пока ты ее пригласишь на танец... – девушка попыталась придать голосу кокетливое выражение и тут же запнулась.

Влажные, всего в каких-то пятнадцати сантиметрах, толстые розовые губы негра навесили на нее какие-то неприятные ассоциации, которые и самой ей были неясны. Она даже не могла понять, почему вдруг почувствовала такую неприятную пустоту в животе, и так гулко ударило сердце.

Но мужчина уже мягким, пластическим движением скользнул за спину своей партнерше по танцу, не заметив ее состояния, вновь прижал ее руками к себе, потерялся об нее своей спиной, а потом начал совершать волнообразные движения тазом перед лицом раскрасневшейся Анастасии. Его рука мягко обхватила руку девушки и мягко потянула к себе. И вот уже мускулистая темно-шоколадная плоть сладко пульсирует между двумя женскими телами. Медленно поднимающаяся волна вождления вытеснила из Ксении все неприятные ассоциации и ощущения. Закрыв глаза и чувствуя телом тепло другого сильного тела, она словно парила в вышине,

оставив внизу, на земле, всю тяжесть и грязь мирской жизни. Последний аккорд мелодии растаял в кабинете, точнее, словно материализовавшись в официанта.

– Может прекрасные девушки желают что-то еще? – его взор был устремлен на Ксению.

– Принеси еще два мохито.

– Ксюша, у меня от рома голова начинает болеть, – капризно протянула Настя.

– Ладно. Тогда давай В-52!

Брюнетка согласно кивнула головой.

– Значит тогда принеси еще два В-52... Только мне с ромом! – неожиданно даже для себя добавила девушка.

Официант понимающе кивнул головой.

Вскоре два бокала с коктейлем стояли перед девушками на столе. Сквозь прозрачное стекло отчетливо были видны три разных по цвету слоя жидкости. Только в одном бокале сверху была жидкость светло-коричневого цвета, а в другом – молочного. Официант изящным и широким жестом зажег спичку и поднес ее к бокалу со светло-коричневой жидкостью. Тот час же вспыхнуло бледно-синее пламя.

– Ну, что, подруга, чтобы наши сердца горели, как коктейль в этом бокале! – Ксения произнесла тост и, всунув соломинку в горящую жидкость, стала пить.

Настя последовала ее примеру.

И вновь какое-то неприятное чувство, какая-то неприятная, даже отвратительная ассоциация промелькнула в голове Ксении. И словно жаром обдало лицо, хотя горящий спирт излучал лишь легкое тепло.

Потом был еще один коктейль – мохито, потом еще...

– Позови еще Уилсона, я хочу выпить эротическую текилу!

И вновь официант понимающе кивнул головой.

Вошедший огромный негр, одарил Ксению и ее подружку улыбкой, подошел к дивану, лег на него навзничь, опираясь на спинку дивана. На его паху был установлен невысокий широкий стакан, наполненный текилой, а в районе пупка была насыпана небольшая горка соли и лежала долька лимона. Между его широко расставленными ногами, на коленях примостилась Ксюша, опираясь локтями на мощные мужские бедра. Приподнявшись на руках, она наклонилась над мужчиной и язычком слизнула соль на его теле. Потом взявшись одной рукой за стакан и, не отрывая его от паха негра, стала пить текилу...

Потом был еще коктейль, потом блондинка заказала интимный душ с Уилсоном, а Насте, чтобы не скучала, еще один В-52 и отправила смотреть, идущее все ночь, шоу «Сластены».

Около двух часов ночи, поплескавшись с Уилсоном еще и в джакузи, Ксюша, расплатившись и дав Насте пару смятых крупных купюр, уволила негра до утра. На профессиональном сленге стрип-клубов это означал просто стриптиз на дому у клиентки. Истомилась по сильному мужскому телу и хочешь не просто стриптиз? Ну, это как договоришься с исполнителем. Точнее, он всегда «за». Весь вопрос, сколько это «за» будет стоить.

– Куда едем? – в салоне автомобиля, освещаемого сполохами рекламы, улыбка Уилсона казалась еще более ослепительной.

– На Остоженку, пожалуйста.

Еще раз ослепительная улыбка и джип мягко тронулся с места. Ночная Москва, проплывающая за окнами автомобиля, была великолепна. Освещенные витрины бесчисленных разнообразных магазинов на Тверской, будто сказочная блестящая лента. Лента, состоящая из великолепных тканей дорогих бутиков, украшенная драгоценностями ювелирных магазинов и прочими аксессуарами, которыми полна одна из центральных улиц столицы государства, под завязку набитого золотом, нефтью, газом и прочими полезными ископаемыми.

«Мерседес» свернул на Моховую и покатился вдоль Александровского сада, за спиной которого высилась темная громада Кремля.

«А звезду на башне уже успели отремонтировать», – Ксения, удобно откинувшись на спинку сидения и опершись затылком на подголовник, лениво смотрела за проплывающим знакомым пейзажем.

Неожиданно разболелась голова и острое желание слиться с сильной, горячей мужской плотью, которое она почувствовала в «Красной шапочке», исчезло без следа. Вместо желания она даже почувствовала враждебность к этому, уверенно сидящему за рулем ее «Мерседеса», телу.

«Такой же козел, как и тот, только черный. Только и думают, как бы большему количеству баб всунуть свое хозяйство, а о последствиях не задумываются. А последствия потом разгребает мы, бабы», – девушка судорожно сжала ноги.

Несколько дней назад у нее тоже было такое желание – свести, сжать ноги, превратить их в одно нераздельное целое, но подножки гинекологического кресла не давали возможность это ей сделать. А потом неприятное чувство металла у себя во влагалище...

Конечно, она тоже виновата. Дотянула до такого срока. Как какая-то дура или неопытная школьница на что-то надеялась. На что? Ведь с самого начала их отношений была понятно, что этот мужчина еще не скоро задумается о семье. Если вообще о ней задумается. Мальчики из «золотой молодежи» те хоть нагулявшись и накуролесившись в университетах и модных западных бизнес-школах, годам к двадцати восьми–тридцати женятся. Надо делать карьеру, а карьера президента банка или какой-нибудь крупной компании подразумевает имидж добропорядочного семьянина. Кто ж доверит свои праведно или неправедно нажитые миллионы какому-нибудь гуляке? А ее Эмиль никаких университетов или бизнес-школ не заканчивал. Средняя школа в Тамбове музыкальное училище там же. Вот и все его университеты. Да дело даже не в образовании. Вернее не только в нем. Ее Эмиль был диджеем и одновременно рэппером от Бога, если, конечно, Всевышний одобряет эту шумную и очень, очень неоднозначную профессию с точки зрения морали. Эмиль, а правильнее, как писалось на всех афишах, DJ Эмиль, а по паспорту просто Паша Концевой, покорила ее своей веселостью и бесшабашностью. Молодые люди, окружающую Ксению, тоже, конечно, были не скромниками и точно не имели философский склад ума. Но если их бесшабашность была от избытка молодости и папиных денег, то бесшабашность Паши была органична, она была талантлива. Эта была бесшабашность поручика Ржевского по сравнению с бесшабашностью молодого аристократа Пьера Безухова.

Ночные клубы, VIP-тусовки, где DJ Эмиль был всегда желанным гостем, слились в сплошной веселый и красочный клип. Согласитесь, чертовски приятно, тусуясь где-нибудь в «16 тонн», услышать громкое, на весь зал: «А эту мою новую композицию я посвящаю своей девушке Ксении!» и тебя тут же находит прожектор, ярким световым кругом выхватывая из толпы. Ты в центре и тебе остро завидуют подруги.

Да и в постели Эмиль вел себя также бесшабашно и раскованно. О нем здесь без всякого преувеличения можно было сказать: «Неподражаем». А Ксении было с кем его сравнивать.

Но клип, это не фильм, а любовный роман – не жизнь. Однажды, здорово зажигая в «Б2», в самый разгар веселья, девушку словно током ударило: «У нее уже как месяц назад должны были быть месячные!»

Завтра день сорвется в пропасть
Не пропасть уже везенье
Не растаять снегом на губах
Удивиться, как проснуться
Убежать не обернуться
Отражаясь кем-то в зеркалах

«О, Господи!! – Ксения замерла, а ни на кого и ни на что не обращающее людское море продолжало бушевать под ритмы модной песни.

– Ксюх, что с тобой?

– Паша, у меня уже давно должны быть месячные...

– Ну ты даешь, подруга, предохраняться же надо!

А потом две полоски на тесте на беременность как две полоски на плеере – пауза. Красочный и веселый клип замер...

DJ Эмиль потребовал, чтобы Ксения сделала аборт. В конце концов девушка согласилась. Она еще пару дней отнекивалась, но это было для соблюдения обязательного ритуала – Ксения девушка приличная из приличной семьи. А приличные девушки аборт не делают. Они рожают и растят наследников приличных семей, будущих банкиров, бизнесменов и топ-менеджеров. Потом она еще две недели думала, как сообщить об этом родителям. Скрыть это от отца, вице-президента банка «Мост-сити» не могло быть и речи. Все равно, рано или поздно узнает. Москва – это большая деревня, где утаить какую-либо тайну почти невозможно. А эту тайну уже знают даже не два, а три человека. Третьим была Настя, закадычная подруга Ксении, с которой она еще сидела за одной партой в школе. И не дай бог, если какой-нибудь проницательный журналюга из раздела светской хроники одной из бесчисленных бульварных газетенок разнюхает эту историю и тиснет в свой желтый листок или на сайте выложит? Отец ей такого не простит. Это же ударит по его престижу! Впрочем, рождение вне брака ребенка от какого-то там диджея и рэппера – удар по престижу не меньший. Вот ухватившись за эту мысль, как за спасительное бревно, Ксюша пошла каяться родителям.

Скандал дома, конечно, был грандиозный. Но доченька все правильно рассчитала – вице-президенту банка такой внук или внучка были ни к чему. Поэтому небольшая пачка денег в твердой валюте, несколько неприятных минут в операционной и прибавление в семье Козиных отложилось на неопределенное время. Потом был разговор Козина-старшего с Эмилем, которого черный шестисотый «Мерседес» подхватил у входа в «Зону», куда диджей шел развлекать публику своими песнями и композициями. Разговор был коротким:

– Возле Ксении я тебе больше никогда не вижу. Это раз. О том, что у Ксении должен был быть ребенок от тебя – никому ни слова. Это два, – банкир щелкнул замками портфеля, который лежал у него на коленях.

Паша невольно посмотрел туда и увидел толстую пачку долларов.

– Да зачем, я и так... – потянул он.

– Это не тебе, – усмехнулся банкир, уловив блеск в глазах парня. – Это предназначается тому, кто закатает тебя в бочку с бетоном и устроит на дно Москвы-реки, если ты не будешь молчать. Или ты предпочитаешь Язу?

Замки портфеля вновь звонко щелкнули.

– Я... я буду молчать.

«Мерседес», тем временем, уже проехав Маховую, выкатился на Волхонку.

– Остоженка, хорошая улица, – услышала она голос Уилсона, прерывающего ее воспоминания. – Можно каждый день Кремлем любоваться или Храмом Христа-Спасителя.

– Да, коротко ответила она.

«Тебе, негру-стриптизеру, конечно, православным храмом любоваться в самый раз, – девушка почувствовала, что ее прямо-таки захлестывает волна ненависти к своему спутнику. – Э-эй, подруга, а ну сбавь обороты. Уволила парня на всю оставшуюся ночь. Заплатила кучу бабок за это. А сейчас разговариваешь с ним, будто с охранником ночного клуба. Тебя, Ксюха, не поймешь».

– А ты мягко машину водишь, мне нравится, – девушка выдавила из себя улыбку.

– А я все мягко делаю, – и вновь белоснежная улыбка, хоть какой-нибудь «Орбит» рекламируй.

«Все Вы так говорите. А потом под нож из-за вас, козлов, иди», – неприятные воспоминания вновь нахлынули на Ксению.

Боли, когда она, с широко разведенными ногами, лежала в гинекологическом кресле не чувствовала. Хороший мягкий наркоз сделал свое дело. А она лежала и кляла себя, что так затянула и теперь, чтобы прекратить нежелательную беременность, понадобилось хирургическое вмешательство.

А потом ей учтиво помогли встать с этого женского эшафота и отвели в отдельную палату, чтобы она смогла набраться сил. Вечером за ней должна была приехать мать. Когда Ксения выходила из операционной, ее взгляд случайно скользнул по обычному зеленому эмалированному ведру, наполовину задвинутому под столик на котором стояли какие-то баночки и бутылочки. На его белой стенке, дальше от девушки был виден густой, свежий кровоподтек. Ее словно хлестнули наотмашь по лицу. Она поняла, что или уже кто лежит в том ведре. Уже в палате, по привычке взглянув на себя в зеркало, Ксения увидела, что щеки у нее прямо-таки пунцовые, будто и вправду ее отхлестали по ним.

– Такие деньги им платишь, а спрятать от клиента все это... все это непотребство им в падлу», – Ксения никак не могла отойти от пережитого, поэтому не сдерживалась. – Суки!

– О, Ксюша, это ты, надеюсь, не мне? – Уилсон белозубо улыбался девушке.

Девушка ответить не успела. Ей на мгновение показалось, что машина попала в яркий голубоватый пучок света.

«Ни фиги себе как уже вывески освещают», – еще успело мелькнуть в ее голове, прежде чем нестерпимая боль обожгла ее тело.

А-а-а-а, – дико, вмиг утратив все человеческое от такой боли, заорала Ксения, уже ускользящим сознанием с ужасом наблюдая, как чернеет, обугливается кожа на ее руках, как факелом вспыхнули ее роскошные волосы, ярким бликом отразившись от лобового стекла. И последнее, что увидела девушка, прежде чем пламя выжгло ее глаза, были красиво подсвеченные золотые купола Храма Христа-Спасителя...

Черный «Мерседес», едва проскочив метро «Кропоткинская», вспыхнул ослепительным голубым светом. Несколько мгновений и на дороге остался один лишь покореженный от высокой температуры остов машины, без малейших следов органики внутри. То, что раньше было студенткой МГИМО Ксенией Козиной и стриптизером клуба «Красная шапочка» Уилсоном можно было вместиť в бардачек машины. Впрочем, его тоже уже не было. Температура была настолько высока, что даже бензин в баке машины мгновенно сгорел, не успев взорваться.

* * *

– Лешенька, почему ты не отвечаешь на мои звонки?

– Потому что я решил завязать с тобой! – молодой, высокий рыжеватый парень, засунув руки в карманы джинсовой курточки и смотря куда-то вверх и вбок, раскачивался с носка на пятку.

– Завязать со мной? Почему?

– Потому... потому что разонравилась и все! – по лицу Алексея было видно, что он начинает раздражаться. – Надоела! – с прямолинейностью парового молота, на котором он работал на мотовозоремонтном заводе, добавил парень.

– Леха, тебя ждать?

– Идите, я вас догоню! – крикнул парень двум молодым людям, стоящим на другой стороне улицы.

– Ага, значит, когда трахался со мной, когда хотел, только позови, то нравилась! А как заделал мне ребенка, то тут же разонравилась! – зло и громко выкрикнула девушка.

– Ленка, ну че ты кричишь? Люди же услышат!

– А пусть слышат! Пусть знают, какой ты козел!

– Да пошла ты, коза! – парень развернулся и хотел перейти улицу.

Девушка резко схватила его за рукав курточки.

– Нет, стой! А ребенок?! Что мне с ним теперь делать?!

– Что хочешь, то и делай! Ты залетела, тебе и решать. И вообще... – парень с усмешкой смотрел на разъяренную Лену, – это не мой ребенок, – и мужчина быстрым и сильным движением освободил свою руку и перешел на другую сторону улицы.

– Как не твой?! – девушка бросилась было за парнем. – Ты же сначала говорил, что твой!

Тяжело сопевший по улице грузовик едва не сбил Лену. Визжа резиной и громокая своими железяками, он затормозив в полуметре от нее.

– Жить надоело! – в открытом окне грузовика показалось разъяренное лицо водителя.

Девушка замерла перед остановившейся перед ней глыбой металла, потом метнулась вновь на тротуар.

«Не твой, говоришь? Ну так значит и не мой!» – она, похоже, уже забыла об угрожавшей ей несколько секунд назад опасности, полностью поглощенная своими переживаниями.

Движение на улице быстро восстановилось, и о происшедшем напоминали лишь два черных росчерка на асфальте – тормозной след грузовика. И ни водители, ни случайные прохожие, наблюдавшие эту сценку, не обратили никакого внимания на облачко, зависшее в трех метрах над городским асфальтом. Оно было грязно-серого цвета и было похоже на выхлоп из грузовика, когда он натужно тронулся с места. Но в отличие от последнего, облачко не поднималось вверх, а неподвижно висело в воздухе. Правда, недолго. Через пару секунд оно словно растворилось в грязном воздухе крупного российского промышленного центра.

Глава 3

– Смотри, как работают наши конкуренты, – главред перебросил через свой массивный стол газету.

Конкурентами еженедельника «Грязные тайны России» был похожий по объему и формату еженедельник «Особо секретно». В этих конкурирующих газетах весьма болезненно относились к факту появления друг у друга сенсационного материала. Если это случалось, то, например, главный редактор «Грязных тайн России» собирал всех своих журналюг в кабинете и потрясая газетой конкурентов с опубликованным сенсационным материалом, нет, не кричал, а шипел: «Что совсем нюх потеряли? Мышей разучились ловить? Так я вас научу! А может вы решили вернуться в свои мухозасрански и тихозадروحински? Так не тяните! Заявление на стол и не занимайте место для действительно талантливых людей!»

Большинство журналистов, работающих в еженедельнике, который возглавлял Александра Никифоровича Булыгин, приехали в Москву из провинции. Бульдозер считал, что лучший работник – это работник из провинции. У такого человека здесь нет ни папы, ни мамы, ни родственников, которые ему помогут или в случае чего подстрахуют. И зачастую даже своего жилья у него тоже нет. Поэтому он будет из кожи лезть, чтобы сделать себе карьеру в Москве, зубами вырывать у жизни лучшие куски. И, естественно, в свой Мухозасранск или Тихозадروحинск он уж никак не стремиться вернуться.

Сделав свой традиционный разнос, Никифорович произносил не менее традиционное: «Или в следующем номере у меня будет материал, от которого особосекретчики будут ссать в штаны от зависти, или я не знаю, что с вами всеми сделаю», – при этом он привставал с кресла и тяжело нависал над своим столом, опираясь на него руками.

Этот стол имел весьма богатую историю и по праву стоял в кабинете главного редактора «Грязных тайн России». Ибо сам этих самых тайн знал немало. По преданию, этот стол был куплен в Италии еще в восемнадцатом веке князем Лопухиным, тем самым, который председательствовал в Верховном уголовном суде, рассматривавшим дело о восстании декабристов.

И те же предания утверждают, что пока светлейший князь председательствовал, Николай Первый на этом столе познал его дочь. И злые языки утверждают, что именно поэтому император «высочайше освободил» сына князя от всякого преследования по делу декабристов, а не в знак заслуг его отца.

После революции стол попал в кабинет одного из высоких петроградских чинов ЧК и насмотрелся и наслушался там всякого, с ностальгией вспоминая невинные императорские шалости.

После убийства Кирова все высокие чины ленинградского НКВД были расстреляны, а новые хозяева их кабинетов, выбрасывали из них все, что напоминало им о прежних хозяевах. Так стол оказался в одном из многочисленных учреждений, прогибаясь под огромными стопками папок и амбарных книг. «Социализм – это учет и контроль», – заявил вождь мирового пролетариата, очевидно не предполагая, сколько средств понадобится, чтобы прокормить всю свору проверяющих и контролирующих.

Перед самой войной в громоздком бюрократическом механизме страны повернулось какое-то колесико, сжалась какая-то пружинка и один отдел этого учреждения, где как раз служил стол, переехало в Москву. Вместе со всеми бумагами и мебелью. А коллеги стола по унылой канцелярской работе, оставшиеся в колыбели революции, сгорели в буржуйках во время блокады.

Дальше уже было просто. В начале пятидесятых годов, обновляя свой кабинет, очередной начальник списал стол и вывез его к себе домой. В лихие девяностые многие семьи бывшей партноменклатуры неожиданно для себя оказались у разбитого корыта, так как не все партийцы-ленинцы сумели перепрыгнуть в кресла президентов банка и различных ООО. Банально не хватило всем мест. Уж очень многочисленным оказалось партийное племя. А Боливар, то есть Россия одряхлела и не могла вынести всех. И стол, так много видевший, слышавший и чувствовавший оказался в комиссии. Там его и нашел Александр Никифорович Булыгин и перетащил в свой кабинет.

Так что Бульдозер немного лукавил, когда опираясь на свой знаменитый стол, говорил: «Или я не знаю, что с Вами сделаю». Знал, конечно, как знал и его стол, который сладко вспоминал юную княжну, опрокинутую навзничь на его крышку царственной рукой. Знали и сотрудники газеты. Понятно, что не в прямом смысле этого слова.

Все это быстро промелькнуло в голове Александра Ермакова, пока он рассматривал огромную цветную фотографию, размещенную на первой странице «Особо секретно».

– А мы, почему не смогли добыть такой фотографии? – тихо просипел Никифорович – верный признак того, что он начинает заводиться.

Фотография и впрямь была что надо. Убойная, так про такие говорили у них в редакции.

Ночная Москва, подсвечиваемая многочисленными фонарями, витринами магазинов и огромным сполохом молнии. В левом углу темной глыбой притаился Кремль, а в правом красиво сверкал своими золотыми куполами Храм Христа Спасителя. И от Храма к крепости тянулся гигантский зигзаг молнии, другим концом упирающийся в одну из пяти кремлевских звезд. Фотография была сделана именно в момент удара. Рубиновая звезда уже ощутимо наклонилась и от нее во все стороны разлетались искорки.

– Наверняка снимали с крыши или верхнего этажа дома на Софийской набережной.

– Да мне не интересно, откуда это снималось! Меня интересует, почему эта фотография оказалась не у нас! – громыхнул Бульдозер.

«Гм, а собственно, почему этот вопрос адресуется мне? Я журналист, специализирующийся на журналистских расследованиях и сейчас занимаюсь конкретной темой, никак не связанной с этой фотографией», – мелькнуло в голове Александра.

Естественно, главному такое говорить было нельзя.

– Насколько мне известно, нам эта фотография не предлагалась. Мне бы Пашка Квашин сразу бы сказал о таком убийнике. Может тот, кто сделал это фото, как-то связан с особосекретчиками? Родственник кого-то из них, хороший знакомый и так далее.

– Слабовато для журналиста-сыщика, слабовато. Или ты только думаешь о том, почему этот вопрос я задаю тебе, а не нашему бильдредактору Паше?

– В точку, шеф, – признался Александр.

– А если подумать? А пока будешь думать, посмотри еще на одну фотографию, – Бульдозер протянул журналисту плотный небольшой листок бумаги.

Ночная, хорошо освещенная улица. На дороге стоит автомобиль. Точнее голый, покореженный его остов.

– Это раньше было «Мерседесом». Снято вчера, точнее сегодня ночью недалеко от метро «Кропоткинская», на Волхонке.

«Хорошо шеф работает. А еще плачется. Фото через пару часов уже у него», – мелькнуло в голове Александра.

– Хорошо горят «Мерседесы». Будто напалмом начинили, – вслух произнес он.

– Очевидцы говорят, что никакого взрыва не было. Ехала машина, вспышка и через несколько секунд остается просто остов. Как в мультике-ужастике.

– А что говорит экспертиза?

– Ты, Александр, слишком много от меня хочешь! Экспертиза только проводится. Я уже зарядил на нее Саню. Он, кстати, и фотографию эту добыл.

– Ну ему сам... главный редактор велел! – пошутил журналист, перефразировав тривиальное: «Ему сам Бог велел».

Саня Коробов специализировался на криминальной хронике, и целый день кочевал по городу от одного происшествия к другому.

– Но я тебе могу и сейчас сказать, что скажет экспертиза.

Александр даже вздрогнул, взглянув в глаза Бульдозера – холодный взгляд хищника, увидевшего крупную добычу.

– Что? – невольно тихо прошептал он.

– Что в машине следов каких-то сильных взрывчатых или горючих веществ не обнаружено.

– А что же тогда так сильно горело? – все так же тихо спросил Александр.

– А что горело в клиниках, происшествия с которыми ты сейчас пытаешься распутать? – и снова холодный взгляд хищника.

В кабинете повисла пауза. Александр Ермаков еще раз смотрел на фотографию покореженного остова машины, представляя какой огненный ад возник в ее салоне. Он даже передернул плечами.

– А кто был в этой машине?

– Саня пробил регистрационный номер по базе данных. Машина записана на Дмитрия Валерьевича Козина – президента банка «Мост-Сити». Но по доверенности, на ней ездит, точнее, ездила его дочь Ксения, студентка последнего курса МГИМО. Так что, думаю, в машине была она. Но уточнишь это и выяснишь остальные подробности ты.

– Я?

– Да, ты. Ты, потому что ... – главный редактор «Грязных тайн России» на мгновение задумался, – ... в загадочных поджогах клиник и в загадочном сожжении «Мерседеса» на Волхонке есть общее. И общее это – странность, непонятность этих случаев. Я бы сказал таинственность. Да и вообще, – длительная пауза, – с тех пор, как молния ударила в кремлевскую звезду, чего раньше никогда не было, в Москве стало происходить много странных, таинственных событий...

Александр Ермаков невольно посмотрел на фотографию, напечатанную в газете их конкурентов – яркий росчерк молнии в ночном московском небе, протянувшийся между Храмом Христа Спасителя и Водовозной башней Кремля, как то нелепо наклонившаяся огромная звезда. А общим фоном выступал сам город, с его бурлящей ночной жизнью: всевозможные ночные клубы, рестораны и сауны, как обычно, увеселяли и ублажали своих посетителей. Но миллионы ампер, уже протянулись к самому сердцу России...

«Храм будто на шпагу взял Кремль», – мелькнуло в голове журналиста.

– Семеновна! – громко разнеслось по подсобке, – Семеновна! Где ты там копошишься?!

– Да иду, иду! – невысокого роста женщина в синем халате, тихо охнув, придерживая ощутимо круглившийся под халатом живот, встала с небольшой табуретки и, переваливаясь словно утка, поковыляла к выходу из помещения, заставленного всевозможными картонными ящиками и пластиковыми бутылками, спрессованными в одно целое полиэтиленовой пленкой.

У входа в подсобку, прислонившись боком к косяку двери, стоял молодой парень – высокий, около двух метров детина. Из коротких рукавов синего халата выглядывали толстые руки, обильно покрытые рыжими волосами.

– Семеновна, Михалыч сказал, чтобы ты пересчитала, сколько осталось у нас банок минтая. Не пора ли заказ на них делать. Только проверь ящики и на зеленом стеллаже. Туда тоже какие-то консервы ставили.

На лице женщины появилось какое-то страдальческое выражение.

– Коленька, – голос был жалобно-просящий, – а может ты этот минтай пересчитаешь, а я за тебя накладные оформлю, а?

– Ну да, ты что там попутаешь, а мне потом от Михалыча выгребай.

– Ну что ты, Коленька! – в женском голосе слышалась надежда. – Я же сколько раз их за тебя делала, когда ты пораньше хотел уйти!

– Да сколько раз я тебя просил? Папу раз и все. Так и знал, что будешь мне этим тыкать!

– Что ты, что ты, Коленька! Я совсем не это имела в виду! Я просто хотела сказать, что работу эту знаю и все правильно сделаю!

Детина насмешливо-оценивающе посмотрел на женщину, неторопливо провел взглядом по ее животу:

– Нет, Семеновна. Тебе это поручили, ты и делай. Да и мне сразу после работы к своей девушке ехать. А ты предлагаешь мне перед этим ящики таскать.

– Коленька, ну пожалуйста. Я сегодня себя так плохо чувствую. Так что-то живот тянет.

– Так иди в больницу, – толстые мужские губы раздвинулись в улыбке. – Тебе там больничный выпишут. У нас сейчас все о беременных заботятся. Потому как вымираем. Сам Президент призывает рожать!

– Так меня же Михалыч с этим больничным сразу с работы выгонит. Я и так тут на птичьих правах.

– А ты тогда на него Президенту пожалуйся. Он его сразу в бараний рог скрутит! – на физиономии детины было щедро разлито удовольствие от бесплатного веселого представления.

– Коля, где ты? – до подсобки донесся чей-то уверенный, начальственный голос.

Веселое выражение лица детины вмиг сменилось угодливым.

– Иду, Михалыч, иду. Все, Семеновна, давай, – бросил он уже через плечо женщине, застывшей со скорбным выражением лица.

И тут же из-за поворота вынырнул небольшой кругленький мужчина. Свет ламп дневного освещения ярко блестел на его обширной лысине.

– Что вы тут лясы развели? Ты ей сказал, что надо сделать?

– Конечно, Михалыч, сразу же!

– Так чего она еще стоит здесь и лупится на нас?!

Невысокий мужчина, в чьем облике безошибочно угадывались многие поколения предков, испокон проживающих около Кавказского хребта, грозно смотрел на своего подчиненного, на чьем носе явственно прослеживался отпечаток среднерусской возвышенности.

– Семеновна, ну че ты стоишь! Я же тебе уже сказал, что тебе делать!

Желтый диск солнца медленно погрузился за московские высотки. А по-весеннему свежий ветерок быстро разогнал духоту. Это летом, когда бетон и асфальт огромного мегаполиса прожарится на солнце, ветерок уже не будет прохладным, а будет чем-то вроде охлаждающего воздушного потока, проносающегося сквозь раскаленные пластины радиатора в стареньком «запарике».

Семеновна, с наслаждением вздохнув полной грудью, не спеша пошла к автобусной остановке.

Семь лет назад, окончив экономический техникум в своем родном Сыктывкаре, она приехала покорять Москву. Таких, молодых, смелых, длинноногих ежегодно в столицу России слетаются сотни, тысячи. Всех их манят красочные витрины большого города, сверкающий поток машин, с утра заполняющий его улицы, прохладный воздух роскошных офисов, сверкающих дорогими отделочными материалами. Одной из сотни везет. Она будет дышать этим прохладным воздухом роскошных офисов, перемещаться по Москве в сверкающих лаком автомобилях, подъезжая к нарядным витринам. Подъезжая, чтобы не смотреть на них, а с капризным видом выбирать товар, выставленный за стеклянными стенами. А одной из миллиона везет несказанно. Речь идет о роскошных, длинноногих жителях Рублевки, иногда ублажающих своих вечно занятых мужей-миллионеров или миллиардеров, а в остальное время скучающих в фитнес-залах, шопингах и на светских раутах. Превратиться из мисс Сыктывкар в миссис Пупкину, проживающую на Рублевке – это посложнее, чем выиграть джекпот. Намного сложнее.

Остальных девушек город проглатывает, не поперхнувшись, срыгивая потом на рынки, в магазины, за прилавков, в домработницы, а то и в многочисленные сауны и откровенные бордели.

Семеновна в шикарные или хотя бы обычные офисы не попала. Она попала в эти «остальные». Сначала одна временная работа, потом другая, третья. Через год Семеновна, впрочем, тогда она еще была не Семеновной, а цветущей пышечкой Танечкой, прочно обосновалась на Щелковском овощном рынке, торгуя картошкой, морковкой, капустой и ворочая тяжелые мешки с ними. Но, кладя на веса картошку или морковку, очищая ножом с капусты сгнившие листья и снимая на двоих, вместе с напарницей по торговой палатке, однокомнатную квартиру рядом с рынком, на Уральской, Танюша не переставала мечтать о принце. О принце, который в один прекрасный день придет за ней на серебристом «Мерседесе», ну пусть не на «Мерседесе», а хотя бы на «Опеле» и увезет в свой дворец. И такой принц появился. И именно на «Опеле». Принца звали Джамиль, а по-московски просто Дима. Приехал Джамиль-Дима из Азербайджана и усиленно витаминизировал москвичей, продавая гранаты, дыни, виноград, хурму и остальные, ставшие уже привычными плоды щедрых южных земель. Благодаря удачливости, родственникам и землякам через два года Дима смог купить двухкомнатную квартиру в Южном Бутове. Вот в этот «дворец» Дима и перевез Танюшу. Пять месяцев жарких, наполненных страстью ночей с темпераментным восточным красавцем (а как вскоре узнала Таня, Джамиль с арабского переводится как красивый), а на шестой, как обухом по голове, итог – два месяца беременности.

Таня Кузнецова хотела оставить ребенка. Джамиль – ни в какую. И все равно делать аборт Таня отказалась. Наотрез. Дима два дня еще бушевал, а потом успокоился. Стал даже снова ласковым и больше не угрожал выгнать ее из квартиры и отвезти туда, откуда взял. В качестве

примирения даже организовал романтический ужин со свечами, апельсинами, шоколадом и бутылкой грузинского вина.

– А мне разве можно?

– От нескольких бокалов «Саперави» с тобой страшного ничего не произойдет. Даже на пользу пойдет.

А потом была такая же ночь, как раньше – жаркая и страстная.

Утром Таня проснулась от чего-то горячего между ног. Она испуганно вскочила и включила свет. Красное пятно четко выделялось на белой простыне. Женские руки испуганно схватились за пах...

Дима быстро на своем «Опеле» привез ее в больницу. Быстрый осмотр и равнодушный голос врача: «На чистку».

– Нет, нет, я не хочу... Может его еще можно спасти?

– Девушка, мне некогда с Вами разговаривать. В коридоре другие люди ждут. Вот Вам направление на чистку, подниметесь на третий этаж. До свидания.

Следующим утром Таня Кузнецова уже не была беременной. А вечером того же дня джигит на «Опеле» забрал ее из больницы, а еще через десять дней отвез ее на Уральскую. Первый свой круг московской жизни Танечка совершила. Потом было еще несколько таких кругов, а если точнее, то семь. «Принц» на «коне» в несколько десятков лошадиных сил, несколько упоительных месяцев и снова Уральская. Менялись только масть «коней», их порода и адрес «дворцов». Не менялись лишь «принцы», точнее их суть

«Да все они козлы», – вынесла вердикт Танюша после пятого своего круга.

Слава Богу, хоть не было больше беременностей. Наученная горьким опытом на своем первом круге, Таня Кузнецова поставила себе спираль и на всякий случай глотала еще и противозачаточные таблетки. Сами «принцы» предохраняться не желали.

– Детка, – ее последний, восьмой по счету «принц» называл ее деткой, – с презервативом я могу трахаться и с проституткой. Но разве это секс? Заниматься любовью в презервативе, все равно, что нюхать розу в противогазе.

Мнение Танюши, почему-то никогда не учитывалось.

После восьмого своего круга, стоя за привычным прилавком и помогая какому-то мужику приладить мешок с картошкой на тачку, она услышала за спиной:

– Семеновна, да брось ты этим заниматься. Вон другие покупатели ждут.

Она даже не сразу поняла, что это обращаются к ней. Вернее ее мозг отказывался это принять. Но подсознание послушно развернуло ее тело по направлению к источнику звука. Потому как сразу опознало в этом источнике своего работодателя – Михалыча, владельца нескольких торговых палаток и магазина. Сам он был выходцем из Армении и приехал в Москву, когда распался Союз и армяне и азербайджанцы стали резать друг друга за Нагорный Карабах. Уже в столице России он из Гургена Минасовича Аматауни превратился в Георгия Михайловича Аматова или попросту Михалыча.

Придя домой, Танюша долго всматривалась в свое изображение в зеркале, висевшего на дверце старого шкафа. Она и раньше никогда не отличалась стройностью. Но она была как маленький детский мячик – упругая, яркая, с гладкой кожей. Сейчас же с дверцы шкафа на Танюшу смотрел немного раздавшийся и как бы подпушенный мячик. Его бока от долгого пользования поистерлись, кое-где уже явственно обозначились трещины-морщинки. А руки? Мозолистые, с жесткой кожей. И даже маникюр ничего не менял. Будто на грубый ковш экскаватора повесили яркие ленточки.

«Точно, Семеновна. Стопроцентная Семеновна», – девушка тихо прикрыла поскрипывающую дверцу шкафа.

А потом она встретила своего девятого «принца» – невысокого мужика с редкой рыжей шевелюрой. У него была потрепанная жизнью и российскими дорогами «девятка», а «дворец»

был его расположен в поселке со смешным названием Дядькино, что находилось в пятидесяти километрах от московской кольцевой автодороги. «Принцу» уже было около сорока, но выбирать не приходилось. Если уж Танюша подходящего мужчину себе не нашла, то Семеновна тем более.

Егор Васильевич, так звали этого мужичка, на жизнь себе зарабатывал перепродажей всякой сельхозпродукции. На этом они и познакомились. Егор Васильевич привез полный прицеп капусты, а Михалыч скупил все это оптом. Разгружали прицеп как раз около Танюшиной палатки.

В жизни Семеновны мало что изменилось. Та же морковка, капуста и картошка. Только вставать теперь надо было засветло, чтобы на первом автобусе успеть на работу. Иногда ее подвозил Егор Васильевич, если ему надо было с утра ехать в ту же сторону.

Примерно через полгода Татьяна Ивановна Кузнецова вдруг поймала себя на том, что она любит этого невысокого, невзрачного, рыжеватого мужчину. Нет, страсти не было. Ее не было с самого начала. Как и внешне, так и в постели Егор Васильевич оказался все так же невзрачен. А Танюша, увы, знала много примеров мужского темперамента. Так что было с кем сравнивать. Ее последний мужчина взял другим. Своей неторопливостью, спокойствием, сдержанностью, уважительным отношением. Он влез в ее душу, как вода пропитывает сухую древесину – неторопливо, постепенно заполняя пору за порой. Однажды Танюша взяла отгул, пошла в поликлинику и сняла спираль. А противозачаточные таблетки она уже месяц, как не принимала. Егору Васильевичу она сразу все сказала. Тот лишь скупой улыбнулся, накиннул старый ватник и вышел во двор. В «девятке» порвался пыльник на правой рулевой тяге, надо было поменять. Сдержанный был человек.

Женщина забеременела быстро. Таня Кузнецова, очевидно, была из тех, уже ставших редкими женщин, про которых в народе говорят: «Положи с ней рядом мужские штаны и она уже беременна».

Беременность протекала легко, даже будто силы прибавились. Грязная картошка и морковка теперь вызывали у Танюши не уныние, а улыбку. Три месяца пролетело, словно время для нее с потрепанной «девятки» Егора Васильевича пересело на спорткар и вдавило в нем педаль газа до отказа в пол. Новый год, который она встретила с Егором Васильевичем, женщина показала лучшим в ее жизни. Да, не было как в юности шумной и веселой компании, не было танцев и застолий до утра. Ничего этого не было. Но едва кремлевские куранты пробили двенадцатый раз и коротко звякнули соприкоснувшиеся бокалы с шампанским, она услышала:

– Таня, выходи за меня замуж. А то как-то нехорошо, ребенок родится, а отца вроде и нет. Плохо это.

Ей предложили замуж! Она будет жить в законном браке! У нее даже слезы навернулись на глаза. Нет, в ту новогоднюю ночь у них ничего не было. Егор Васильевич накануне много мотался, доставляя в предновогоднюю столицу квашеные яблоки и капусту, поэтому в час ночи, немного посмотрев праздничный концерт, они уснули. Заснула Таня с улыбкой на лице, ощущая тепло рядом лежащего мужчины, ее будущего мужа. Нет, есть Бог на свете, смиловился он над ней, подарил ей обычное женское счастье. У нее будет настоящая семья: муж, ребенок, дом. Они будут трудиться не покладая рук, не воровать и у них будет все хорошо. И они даже смогут ездить на море. Она никогда там не была, но знает, что оно теплое, ласковое. Она будет лежать на теплой гальке и слышать, как неторопливо рядом шуршат волны...

Егор Васильевич погиб шестого января, перед самым рождеством. Он ехал в Москву, как обычно везя картошку, морковку, капусту. Перед самой МКАД на встречную полосу, по которой он ехал, вылетел огромный, как танк, черный Ленд Крузер. Двухтонный японец, легко, как консервную банку смял «девятку». Егор Васильевич не увидел лица своего убийцы, стекла джипа были тонированными, а в следующий миг руль собственной машины, словно таран,

врезался в его грудную клетку, ломая ребра, позвоночник и сминая мягкую, трепещущую плоть – человеческое сердце...

Водитель и пассажиры Ленд Крузера – два азербайджанца со своими девочками отделались легкими ушибами и царапинами, сработали подушки безопасности. Оказалось, что они спешили в загородный ресторан, отметить Рождество.

После похорон Егора Васильевича из Екатеринбурга приехала его сестра. Между женщинами произошел скандал. Сестра требовала, чтобы Таня немедленно освободила дом, так как никаких прав на него она не имеет. Беременная женщина наотрез отказалась. Сестра Егора Васильевича обратилась в милицию. Хорошо помог Михалыч. Нашел время, приехал в Дядькино, походил по дому, несколько раз подергал себя за нос, что свидетельствовало о напряженной работе его ума.

– Ладно, Семеновна, постараюсь тебе помочь. Из дому никуда не уходи, пока я тебе не позвоню. А то вселятся тут без тебя, замки поменяют, что тогда будешь делать да еще с животом?

На следующий день, вместо звонка явился участковый. От испуга у Тани подкосились ноги и чтобы не упасть, она схватилась за косяк двери.

– Татьяна Семеновна Кузнецова? – строго спросил человек в погонах.

– Да.

– В общем так, Татьяна Семеновна. Хотя Вы здесь не прописаны. Выселить Вас беременную без суда никто не имеет права. Поэтому, пока решения суда нет, можете жить спокойно.

– А когда будет суд? – испуганно спросила женщина.

Участковый пожал плечами, чему-то улыбнулся:

– Когда будет, тогда и будет.

Через полчаса позвонил Михалыч.

– Ну что, довольна? – раздался в телефоне его гортанный голос.

– Ой, спасибо, Михалыч, век не забуду! Должница теперь я Ваша.

– Ладно, ладно, как-нибудь рассчитаешься.

Потом Михалыч перевел ее в свой магазин, рядом с рынком, в подсобку. Месяц назад, проходя мимо нее, он неожиданно спросил:

– Танюша, а что ты думаешь делать с домом?

– С каким домом, Михалыч?

– У тебя что, их много? – перед ней сверкнули белые крепкие зубы. – В котором ты живешь сейчас.

– Та он же не мой!

– Правильно, не твой. Но когда родится ребенок, его можно туда прописать. Где-то он же должен жить, – и вновь крепкие зубы перед ее глазами.

– Так кто же мне это разрешит!

– Было бы желание, Семеновна. Только ты ж понимаешь, все это не за просто так, – и, сделав паузу, Михалыч добавил, – ты сейчас подпишешь бумаги, что разрешаешь мне продать твой дом, а когда родится ребенок, я помогу тебе его туда прописать.

– Так дом же не мой, как я могу тебе разрешить его продать?

– А это уже не твое дело. Твое дело подпись поставить.

– Ой, Михалыч, не знаю. Страшно мне как-то, – женщина потупила глаза, – мне подумать надо.

– Ну, думай, думай. Только смотри, а то как бы я не передумал.

А на следующий день Семеновна поняла, что значит, когда Михалыч тобой не доволен. Сразу пошли придирки, исключительно ей стала поручаться самая грязная и тяжелая работа.

Через две недели, все также проходя мимо, Михалыч поинтересовался:

– Ну что, надумала?

– Думаю, Михалыч, думаю, – опустив голову, прошептала женщина.

Таня и сама толком не понимала, почему упорствовала. Ведь понятно же было, что без всякой помощи, без знакомств она в том доме не останется. Пусть даже и родит ребенка. А так Михалыч продаст дом, а дом хороший, за него можно много взять. И ей же что-то перепадет. Квартиру в Москве, конечно, она не купит, но в том же Дядькино присмотреть что-то можно. Но что-то ее останавливало. Часто, лежа в постели, она долго лежала в постели с открытыми глазами и думала, что ей дальше делать. И все сходилось на том, что те бумаги надо подписать, а там будь, что будет. Но как только она закрывала глаза, перед ней возникали ослепительно белые, крупные, крепкие зубы Михалыча и ей становилось страшно. Страшно и все. И в этом безотчетном страхе, словно в зыбком болоте, прорастала и распускалась белым цветом, как зубы Михалыча, лилия – инстинктивная мысль – никакие бумаги подписывать нельзя. И с этой мыслью Таня засыпала...

«Все, подпишу я эти чертовы документы. А то Михалыч в следующий раз такую работу даст, что можно и родить тут же, в подсобке, – женщина не спеша, переваливаясь, подходила к автобусной остановке. – Ох, быстрее бы Егорка появился», – Семеновна понимала, что легче, конечно, не будет с рождением сына, может даже труднее, но будет пройден определенный этап. И младенец – это уже человек, у него даже документ будет и разномастным чиновникам с этим придется считаться.

Семеновна, как ни странно, не злилась на Михалыча. Как не крути, она у него уже проработала несколько лет, и он был не самый худший хозяин, хоть и не русский. Да часто русские хозяева оказывались намного хуже пришлых иностранцев. Да и с домом именно Михалыч ей помог. Конечно, помог с перспективой своей выгоды, ну а кто сейчас помогает за просто так? Он помог, теперь ты окажи ему услугу. Только так. Ты мне, я тебе. Это Семеновна уже давно усвоила. Усвоила и то, что часто выходит только «я тебе». Нет, не обижалась Семеновна на нерусского Михалыча.

Автобус подошел быстро, женщина его почти не ждала. А уже через час Семеновна подходила к своему дому, точнее дому ее покойного Егора Васильевича, так и не ставшего ее мужем. Скрип открываемой калитки слился с визгом тормозов за спиной. Женщина не успела даже оглянуться, как чьи-то сильные руки схватили ее за плечи и втолкнули в ее же открытую калитку.

– Что, сука, так ты на добро отвечаешь? – держа Семеновну за плечи, перед ней стоял молодой парень с черными как смоль волосами, густой черной щетиной на лице. – Тебе помогли, оставили здесь жить. Где бы ты сейчас была со своим пузом, если бы тебе не помогли? Уже в какой-нибудь канаве б сдохла!

– А может так и лучше? Может исправим ошибку? – рядом с первым парнем, cedя слова, стоял второй, такой же черноволосый, только гладко выбритый.

– Если счас же не подпишет, то так и сделаем, – держащий ее за плечи парень ухмыльнулся.

Его напарник вытащил из портфеля какие-то белые листки бумаги.

– А перед этим чуть поиграемся, правда живот мешать будет, – держа листки в одной руке, он второй грубо провел по ее животу.

Женщина испуганно отпрянула.

– Ничего, пусть ее отродью больно будет. С этими русскими так и надо поступать, как они с нами. А ну подписывай, сука!

Еще секунду назад Семеновна готова была даже не читая подписать все, что от нее требовали. Но вот это «отродье», сорвавшееся с губ черноволосого, словно переклинило ее. Все недовольство на свою неустроенность, на свои унижения и обиды разом всколыхнулось в ней и плеснуло наружу:

– Как мы с вами поступаем? Вы приезжаете к нам нищие, а уже через пару лет покупаете себе здесь квартиры и разъезжаете на дорогих тачках! – Таня Кузнецова вдруг подумала, что из девяти ее «принцев» семеро были вот такие же, как эти двое – наглые, с иссиня-черными волосами и с жесткой черной щетиной. – Ненавижу вас, черномазые!

Двое смотрели на беснующуюся перед ними русскую женщину и ухмылялись.

В летнем вечернем небе издалека, вкрадчиво разлилась тихая мелодия. Настолько тихая, что невозможно даже понять, что именно это за мелодия, слух улавливал лишь отдельные звуки, связанные между собой ритмом.

– Ты смотри, курица раскудаhtалась, – черные глаза того, кто держал бумаги, зло прищурились. – А ну давай ее в дом, посмотрим, как она там будет кудаhtать.

Его напарник рывком развернул Семеновну за плечи и толкнул по направлению к дому.

– А ну пошла! И не вздумай орать! Тут же с носка в живот получишь!

А поначалу тихий звук в небе разрастался. Вот уже отчетливо можно было услышать, что это играет «Марш славянки».

– Давай, шевелись, сука!

А музыка быстро приближалась к дому. Даже парни, толкавшие Таню Кузнецову в дом, замерли, невольно повернув головы на звук. А марш славянки, уже раздавался прямо за зеленым деревянным забором. Семеновна прямо физически ощутила, что сейчас калитка распахнется под напором этой сильной мелодии. И она действительно распахнулась...

Во двор дома уверенно, будто к себе домой, вошли невысокий парень с неестественно приподнятым правым плечом и среднего роста девушка с роскошной гривой темно-русых, с красивым золотистым оттенком волос. На шее у парня висел обычный плеер. И с него-то и раздавался этот торжественный и радостный «Марш славянки».

У женщины как-то отстраненно мелькнула мысль о нереальности всего происходящего – быстро приближающаяся музыка, словно плеер болтался не на шее у вошедшего парня, а это такими звуками ревел мчавшийся к его дому скорый поезд. Да и не мог плеер так громко играть. Мелодия звучала громко и в тоже время она все отлично слышала.

– А ну валите отсюда! – закричал парень, который держал бумаги, которые должна была подписать Семеновна.

– Отпустите женщину и покиньте ее двор, – невысокий паренек вплотную подошел к черноволосым. Девушка стояла на шаг от него.

– Счас ты его покинешь! Козел! – молодой мужчина, который заталкивал Семеновну в дом, резко ударил стоящего рядом с ним парня.

Точнее, попытался ударить. Его кулак пронесся по тому месту, где еще мгновение назад было его лицо.

– Ах ты, су... – черноволосый не успел договорить, зайдясь в крике.

Это даже был не крик, а вопль, животный вопль. На Семеновну пахнуло горячим воздухом, будто рядом открылась невидимая дверца топки. Второй черноволосый мужчина, не понимая происходящего, попятился, вскочил на крыльцо и уперся спиной в закрытую входную дверь дома. Он испуганно смотрел на этих двоих, так неожиданно появившихся здесь. Белые листки бумаги, которые он держал в руке, валялись у него под ногами. Таня Кузнецова на всю жизнь запомнила его лицо. Перекошенное от страха и, не смотря на смуглость кожи, белое, словно те листки бумаги, которые он не замечая, топтал. А глаза?! О теперь женщина поняла, что означает выражение «глаза выпучились от страха». Из, еще недавно прищуренных, смотревших на нее презрительно и зло, они мгновенно превратились в два полноценных «пятака».

Это продолжалось несколько мгновений, а затем человек с воплем хватается за лицо, ноги его подламывается и он скатывается с крыльца.

– О, Господи...

– Таня, – к застывшей женщине подошла девушка с каштановыми волосами, – спокойно рожайте. Больше Вас никто не тронет. На, держите, – и она вложила в руку Кузнецовой тонкий черный прямоугольник.

Семеновна так и стояла с ним в руке, вытаращенными глазами смотря на калитку, через которую ушли ее таинственные спасители, когда за забором почти одновременно раздался вой пожарной и милицейской сирен. А потом во двор вбежало сразу несколько милиционеров. Они что-то ее спрашивали, показывая руками и кивая на стонущих на земле двух черноволосых парней. А она все смотрела на распахнутую калитку, в проеме которой красиво полыхала черная Тойота Ленд Крузер. Таня Кузнецова не слышала ни воя сирен, ни голосов милиционеров и пожарников. В ее глазах плясали огоньки пламени горящей машины, а в голове звучала браурная мелодия «Марша славянки»...

Черным прямоугольником оказался кожаный маленький чехольчик с вложенной туда банковской карточкой и запиской с пин-кодом.

* * *

– Подруга, не бойся, рецепт верный. Мне его Нюрка рассказала. Она сама так один раз себе выкидыш сделала, когда залетела по пьяни и боялась, что может урод родиться, – Оксанка, подруга Лены, как обычно говорила быстро, словно строчила из пулемета. – Да и что в нем страшного в этом рецепте. Никакой химии!

Действительно, рецепт был прост. Пачка лаврушки на стакан кипятка. Отвар выпить, а сам лист завернуть в марлю и засунуть на ночь во влагилице. Все!

– Ну не знаю... боязно как-то...

– Ну тогда рожай! Раз тебе боязно! Только потом не говори, что тебе не захотели помочь! Ты сама не захотела!

– Оксанка, не тараторь! Дай подумать! – Лена схватилась руками за голову.

Травить себя не хотелось. Сколько она уже знала случаев, когда люди умирали, поев или выпив какую-то гадость. Правда, это случалось в основном, когда выпивали какую-то гадость. Вон и ее папая так на Южное кладбище отправился. На Новый Год хлебнул какого-то денатурата.

Но еще больше Ленке не хотелось рожать. Родить – это значит поставить крест на себе, своей молодости, а значит и жизни.

– Ладно, пойду куплю пачку лаврового листа.

– Я тебе уже купила! Держи!

Вечером Лена, украдкой от матери запарила лавровый лист, затем час настояла. Зажимая нос, чтобы не слышать резкого запаха, выпила стакан получившейся желто-коричневой жидкости. Влажнее листы аккуратно завернула в марлю и осторожно всунула себе во влагилице. Но заснуть не удалось. Мощный рвотный позыв сбросил Ленку с постели и она, не успев даже добежать до унитаза, вырвала прямо на пол в коридоре.

– Блядь! Насоветовала подруга!

На шум прибежала мать.

– Лена, доченька, что с тобой!

– Ничего! Иди ложись спать! Траванулась я. Наверное пирожком, что купила в лотке.

Засеревшись в туалете, девушка вытащила из влагилица марлю с лавровыми листьями и спустила их в унитаз. Потом она долго сидела на нем, вытирая руками слезы. Избавиться от плода не получилось.

Если бы Лена Кудряшева узнала, что при подобном способе прерывания беременности летальность из-за наступающей интоксикации составляет сорок процентов, она бы не пролила так слезы, сидя на унитазе.

Но Лена этого не знала. Поэтому сидела и плакала, молча проклиная свою судьбу. А над ее головой висело небольшое почти прозрачное серое облачко. На давно не беленом потолке туалета оно было почти незаметным. Облачко чуть вздрагивало, словно сочувствуя девичьим слезам.

Глава 4

Солнечный зайчик, блестевший на безупречной полированной поверхности стола, почему-то раздражал. Да и вообще все сегодня раздражало Лидию Васильевну: бесконечная суэта и шум московских улиц, мельтешение сотрудников, занятых последними приготовлениями к завтрашнему проведению конференции, собеседник, сидящий напротив нее и этот зайчик, нагло воцарившийся в центре стола.

«Все, проведу конференцию и на две недельки поеду в Сочи. Говорят, в конце весны этот город просто восхитителен».

И от этой привлекательной недалекой перспективы настроение у женщины сразу улучшилось.

«Правильно психологи советуют. Тебе плохо – прими простое позитивное решение, без всякой там зауми. Все раздражает? Значит переработалась, а поэтому в Сочи. Все так просто. Два часа лета от этой поднадоевшей Москвы и ты среди пальм и цветущих магнолий», – Лидия Ивановна улыбнулась.

Сидящий напротив нее собеседник – молодая женщина лет тридцати, с короткими черными волосами и некрасивым большим крючковатым носом восприняла эту улыбку на свой счет.

– Вам мои мысли кажутся наивными, Лидия Васильевна?

– Нет, нет, Ниночка, совсем нет. Вы рассуждаете здраво, приводите убедительные аргументы в пользу своих выводов. Но мне кажется, что упор вы делаете несколько, гм... однобоко. А ведь эта проблема многогранна!

Облачко, бесшумно скользившее по голубому московскому небу, заслонило собой солнце, и зайчик тут же исчез со стола Генерального директора Российского фонда планирования семьи Емелиной Лидии Васильевны.

«Давно пора! Жаль, что только проблемы не могут так бесшумно и бесследно исчезать».

– Вы, Ниночка, почему-то основной упор делаете на информирование молодежи о пагубных последствиях злоупотребления алкоголем на здоровье их будущих детей. Конечно, это очень важно. Но надо смотреть правде в глаза. Каков процент молодежи у вас, в Пермском крае, пьет?

– Ну, смотря, что подразумевать под словом пить, – девушка чуть сморщила свой крючковатый нос.

– Ладно, я скажу. Я готовилась к конференции и поручила собрать некоторые данные. Так вот, в Пермском крае среди молодых людей до двадцати пятилетнего возраста сорок процентов употребляют алкогольные напитки не реже одного раза в неделю. Напомню Вам общеизвестный медицинский факт. Сто грамм водки из организма полностью выводится в течение недели! А что для современной молодежи сто грамм водки? Так, мелочь. Доза для разогрева.

– Так мы об этом и говорим, и объясняем! Чтобы люди знали сроки и не допускали пьяного зачатия.

– Нина, Вы меня не поняли. Просветительство – это хорошо. Но им ситуацию переломить не скоро удастся. А что делать с этими страшными цифрами, с этим повальным пьянством сейчас? А?

– Не знаю... Лидия Васильевна. У нас в стране сухого закона нет. Да он и не поможет, Вы это сами отлично знаете. Будут пить столько же, только еще травиться будут всякой гадостью, – вновь девушка брезгливо сморщила свой крючковатый нос. – Как им запретишь пить?

– Правильно, сухой закон не поможет. Несколько стран пробовали его вводить и ничего хорошего из этого не получилось. Но спать нацию надо уже сейчас! Иначе завтра уже будет поздно! – пятидесяти пятилетняя женщина выкрикнула последние слова горячо, с надрывом. Было видно, что обсуждаемая тема ей очень близка и не один раз прокручивалась в голове.

– Так что же делать? – молодая женщина, сидящая напротив, как-то испуганно сжалась.

– Надо не допускать появления уродов на свет! – генеральный директор энергично стукнула своей небольшой пухлой ладошкой по столу.

Стукнула и словно невзначай нажала невидимую кнопку. На столе вновь сверкнул солнечный зайчик.

– Поэтому, Ниночка, говорить о вреде пьянстве – это важно и хорошо, но наши российские реалии таковы, что основной упор надо делать на пропаганде контрацепции и аборт. Женщина двадцать первого века должна сама свободно решать, когда и сколько детей она будет иметь. И если есть хоть малейшие сомнения относительно здоровья плода, необходимо безжалостно избавляться от ненадежной зиготы!

Увидев недоумение на лице собеседницы, Лидия Васильевна снисходительно пояснила:

– Зигота – это диплоидная клетка, образующаяся в результате слияния женских и мужских половых клеток или, если короче, зигота – это оплодотворенное яйцо. У Вас, какое образование, Ниночка?

– Техническое, высшее. Литейное производство, – через паузу добавила молодая женщина и почему-то покраснела.

– Литейное производство... Придется, Ниночка, восполнять пробелы. Наше дело сложное, ответственное, требующее больших знаний. На нас лежит ответственность за будущее нации, за будущее России!

– Да, да, конечно, Лидия Васильевна. Я буду учиться.

– Считай, что я сегодня тебе прочла первую лекцию. И запомни самое главное. Женщина – всегда исключение из правил и поэтому она всегда права. Поэтому наш филиал в Пермском крае, который ты возглавляешь, должен пропагандировать и широкое применение контрацепции, и широкое применение аборт. Агрессивно пропагандировать. Ведь в нашем, во многом еще отсталом, совковом обществе бытует в корне неверное мнение, что аборт – это плохо! А рожать уродов – это хорошо?! – ухоженное, но немного оплывшее лицо генерального директора пошло красными пятнами. – И сколько из-за этого чудовищного, прямо таки первобытного, неандертальского мнения искалеченных, поломанных судеб и женщин, и родившихся от них никому не нужных и часто больных детей? А как бедняжек прессуют после сделанного аборта! Ведь даже до психушек доводят! Поэтому, Ниночка, Вы должны защищать таких женщин, помогать им, ограждать от этой толпы, черни, живущей по законам патриархата, – Лидия Васильевна посмотрела на изящные часики на своей полной руке. – Все, Ниночка. Извините, на сегодня все. Мне еще надо успеть сделать кучу дел. Увидимся завтра, на конференции.

«Надо более внимательно отнестись к подбору кадров на местах, – Любовь Владимировна задумчиво смотрела на закрывшуюся за ее собеседницей, председателем пермского отделения фонда планирования семьи, дверь. – Мало того, что в фонд попадают люди без медицинского образования, а еще и с такой внешностью. Да каждый, кто увидит эту Нину, сразу подумает: «Занялась этой работой от безысходности, кто из мужчин на такую обратит внимание? Ладно, после конференции вплотную займусь этим вопросом», – полная женщина тяжело поднялась с кресла, отрешенным взглядом скользнула по столу – порядок? Любовь Владимировна любила во всем порядок. Идеальный порядок, стерильный, как в операционной, как в

...– женщина усилием воли остановила полет своей фантазии, инстинктивно понимая, что это полет в Ад.

Все было как обычно, как она привыкла. Пустой стол, на котором, красиво отсвечивая своей черной, глянцевой поверхностью лежал ее ноутбук. Все. Нет, не все. Этот солнечный зайчик в центре стола. Почему то он раздражал генерального директора Российского Фонда планирования семьи, раздражал до физического ощущения затопления мозга гневной волной. И ничего нельзя было сделать! Ни смахнуть рукой, как соринку, ни прикрыть тем же ноутбуком, ни вырезать скальпелем, ни вырвать щипцами. У Лидии Васильевны даже пальцы чуть дрогнули, как в молодости, как еще десяток лет назад, когда она входила в операционную и видела очередную свою пациентку, раскоряченную на гинекологическом кресле.

«Что, дуреха, допрыгалась? Порезвилась? Возись теперь тут с тобой, удаляй то, что не нужно ни тебе, ни твоим родным, ни государству. Ненужно никому... кроме меня», – и пальцы уверенно сжимали ручки щипцов.

Лидии Васильевне Емилиной работа нравилась. Она ей приносила удовлетворение, как моральное, так и материальное. Женщина свято верила, что является санитаром нации, не допуская появлению на свет больных, с различными врожденными дефектами детей. Впрочем, слово «дети» или «ребенок» она не произносила никогда в таких случаях, даже мысленно. Только плод. И если даже обследования не выявляли никаких отклонений у плода, все равно у него не было права на жизнь. Какое у него может быть право, если от него отказывается даже та, которая его создала, породила?! Вот художник может уничтожить свою картину, если она его не устраивает? Ремесленник может уничтожить создаваемую им вещь? Ведь она, пока он ее не продал, принадлежит ему полностью! Так и плод, пока он не родился, пока государство не поставило его на учет, как будущего работника, принадлежит только тому, кто его сделал. И никому больше. А то потом вырастают из таких вот никому не нужных плодов опасные сорняки: воры, убийцы и прочий сброд.

А еще эти ненужные плоды приносили неплохой доход. В совковые времена хороший акушер-гинеколог вообще мог жить не хуже какого-нибудь министра мелиорации. Женщины хорошо платили ей за свое несостоявшееся материнство. А особенно если был поздний срок беременности, то есть, если плоду больше двенадцати недель и никаких медицинских показаний для аборта нет. Тогда надо было исправлять в карточках сроки беременности, а в особо запущенных случаях, то есть при очень больших сроках, аборт делался ночью, когда в клинике было минимум людей, а значит минимум лишних глаз и ушей. Конечно, работа тогда была грязная, все руки и грудь были забрызганы в крови. Ведь уже на двадцатой недели плод весит в среднем триста двадцать грамм и имеет длину 25 сантиметров! Это если двадцатая. А если тридцатая?! Почти два килограмма сорока сантиметровой плоти! И природа нисколько не помогает. Никаких рефлекторных сжатий мышц, выталкивающих плод наружу, когда пришел срок, шейка матки еще не так растянута, чтобы слиться с родовым каналом в один гладкий, хорошо смазанный тоннель, без всяких выступов, по которому плод скользит как сани по ледяному желобу. Такой плод можно только выковырять щипцами, кромсая его на куски, и раздавливая хрящи черепа. Грязная, но отлично оплачиваемая работа. За один такой аборт Любовь Владимировна платили столько же, сколько за год работы в клинике. Конечно, особо выпячивать свои доходы было нельзя. Это было чревато излишним вниманием обзехэсников со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но черную двадцать четвертую «Волгу», дачу всего лишь в тридцати километрах от Москвы, регулярный отдых в крымских санаториях, забитый до отказа всякой снедью «Грюндик» – это она могла себе позволить. Точнее они – она, ее муж, работавший стоматологом и дочь Ира. С развалом СССР и наступившим всеобщим хаосом Лидии Васильевне жить стало интереснее. Крах империи означал и крах мировоззрения, заложенного в его фундамент. Железный занавес в одночасье рухнул и на ошарашенных людей стал низвергаться красочный, вкусно пахнущий поток западных ценностей. Демокра-

тия, свобода личности, свобода информации – от вседозволенности кружилась голова, тем более, что советский репрессивный аппарат агонизирующее хрипел и конвульсивно дергался. Как-то враз появились люди ну просто с очень большими деньгами. На московских улицах, разбавляя волго-жигулевско-москвичевский поток, засверкали иноземным лаком мерседесы, бмв, ауди и прочие красивые штучки на четырех колесах. Ломясь от дорогой одежды, распахнулись бутики, слепили глаза своими витринами новые ювелирные магазины. Появилась новая цель в жизни. Не эфемерная – построить коммунизм, а вполне осязаемая и конкретная, обворожительная и роскошная. Упаковаться в модную одежду, разукрасить шею, руки, запястья презренным тяжелым металлом, усестись в кожаное кресло мерса или бумера, одной рукой обнимая длинноногую блондинку, а второй – мобильный телефон vertu и делая бабки прямо на ходу, подъезжая к роскошному двух, а лучше трехэтажному особняку за высоченным каменным забором. Дети в эту цель как-то не вписывались. Одни не хотели на них тратить ни времени, ни сил. К тому же после родов можно было поправиться или получить несколько складок – фи, какая гадость! У других на детей просто не было средств. Тут самим бы при такой жизни с голоду не сдохнуть.

Работы у врача-гинеколога высшей категории Емелиной прибавилось в разы: молодые замужние девчонки, испуганные пэтэушницы, а то и школьницы, холеные любовницы денежных мешков, все они, как ночные бабочки слетались под хирургическую лампу Лидии Васильевны. В разы возросли и доходы, которые теперь можно было не скрывать, а наоборот, подчеркивать их и гордиться ими. Двадцать четверку сначала сменила, в общем-то, демократичная Тойота Корола, а затем респектабельный BMW X5.

В девяносто восьмом за несколько месяцев сгорел от саркомы муж. Любовь Владимировна до сих пор помнит его угасающий взгляд, затуманенный болезнью и морфием, и его слова: «Все не так...». Больше он не сказал ни слова. И даже глаза больше не открывал. Так и лежал с закрытыми глазами: иссохший, пожелтевший и спокойный.

Сорок один год для здоровой женщины не возраст. И хоронить себя Лидия Васильевна не собиралась. Через полгода у нее уже был любовник – тридцати трех летний улыбчивый хохол Володя, приехавший в Москву на заработки. На Донбассе, откуда он был родом, заработать хоть какие-то деньги можно было, только спустившись под землю за углем.

«Ну и что это за гроши? – путая русские и украинские слова, говорил Володя, – за пятьсот зеленых спускаться на пятьсот метрив и на карачках шесть часов уголек долбать. А потом метан бах и тебе уже ничего не треба. Я так уже двоих своих корешей похорав. А у мене две дочери. Кто их кормить будет? Ахметов? Не будет! И я его своими мозолями кормить не буду!»

Володя в Москве работал на какой-то стройке, жил в убогой общаге и, конечно же, рад был переселиться в однокомнатную квартиру, которую сняла ему коренная москвичка возле Измайловского парка.

Стареющий женский организм, получив хорошую гормональную подпитку, расцвел и забурлил энергией. Лидия Васильевна даже сбросила пару килограммов, чему несказанно была рада, а еще больше она была рада вновь появившемуся блеску в глазах. Как то само собой удалось арендовать приличное двухэтажное здание в Замоскворечье, получить все необходимые документы и открыть частную гинекологическую клинику. И как-то само собой к ней приплыл и пост генерального директора Российского Фонда Планирования Семьи. Помогло одно давнишнее, с советских времен, знакомство с английским гинекологом Барбарой Хондей, ставшей у себя на родине видным функционером Международного Фонда Планирования Семьи (МФПС) со штаб-квартирой в Лондоне. Когда решался вопрос о новой кандидатуре генерального директора Российского Фонда Планирования Семьи – филиале МФПС, англичанка вспомнила о своей российской подруге.

К две тысячи двенадцатому году Лидия Васильевна уверенно восседала в удобном кресле генерального директора РФПС, имевшего более двухсот пятидесяти филиалов по всей стране

и солидную зарубежную материальную помощь и была владелицей трех клиник: гинекологической, стоматологической и общего профиля. Все и во всем был порядок. Вот только этот чертов солнечный зайчик раздражал! Генеральный директор сердито сделала несколько шагов в сторону окна и резко задернула плотную штору.

«Вот так тебе!» – женщина с удовольствием посмотрела на свой стол. Яркое пятнышко света исчезло. Лишь матово блестящий массивный темно-коричневый стол и лежащий на нем черный ноутбук. И вдруг какая-то неясная тревога, также мгновенно, как исчез зайчик, появилась в душе Любови Владимировны. Почему-то вспомнился угасающий взгляд мужа, его шепот на выдохе: «Все не так». Что не так? Больше десятилетия она отгоняла от себя этот вопрос, как отгоняют назойливую муху, сожалея, что не могут ее прихлопнуть.

«Нет, пора отдохнуть, а то так можно и в дурку переселиться», – генеральный директор решительно вышла со своего кабинета. Последнее, что услышала, перед тем как закрыть дверь, точнее почувствовала, был легкий холодок, скользнувший по ее шее.

«Не надо баловаться кондиционером, а то протянет шею, возись потом».

– Привет, Александр

– Привет, Лера.

– Что-то ты, дружок, стал редко звонить? Может новую пассию себе завел? – из мобильного телефона послышался уверенный женский смех. Так ты скажи, не стесняйся. Я девушка современная, все пойму, а может даже и прощу, – и вновь уверенный женский смех.

– Лера, не говори глупостей. Во-первых, почему редко? Минимум один раз в день, а то и больше. А во-вторых, два-три раза в неделю мы видимся.

– Что ты подразумеваешь, под словом видимся? Когда последний раз ты у меня ночевал?

– На прошлой неделе, в... воскресенье.

– И ты считаешь этого достаточно для молодых здоровых людей? – женский голос в телефоне стал агрессивным. – Некоторым и одного раза в день мало. А тут раз в неделю! Или ты точно кого-то на стороне нашел и там отстреливаешься, сбрасываешь сексуальную энергию, а?

– Лера, не говори глупости. Нигде на стороне я сексуальную энергию не сбрасываю. Просто очень много работы.

– Какой?

– Я тебе говорил. Я провожу журналистское расследование, связанное с поджогами частных клиник.

– Ну и что? Это повод игнорировать свою девушку? Ты что, вагоны с цементом каждый день разгружаешь?

– Лера, не говори глупости.

– Да что ты все заладил одно и то же. Не говори глупости, не говори глупости. Для журналиста мог быть и пооригинальней. А чтобы я действительно не говорила глупости, сегодня в девять вечера я жду тебя у себя. Никаких но! Я на тебя рассчитываю! И не забудь прихватить букет цветов для любимой девушки и бутылку вина. Напоминаю, я люблю кремовые розы и шато латур, – из телефона послышались короткие гудки.

«Кремовые розы, шато латур... По-моему, спутница жизни мужчины это не одно и то же, что и его хозяйка. Или нет? – с тихим мелодичным звоном слайдер совместил две свои половинки и тут же вновь большой мужской палец резким движением их разъединил. – Алло, Игорь. Привет

– Рад слышать будущее лучшее золотое перо Москвы и окрестностей, – бодро пророковало из телефона.

– Спасибо за щедрый аванс. Но чтобы мое перо стало действительно золотым, мне нужно с тобой встретиться.

– А что, есть повод?

– Повод есть уже целую неделю.

Наступила пауза. На том конце радиолуча молчали.

– Так, Игорь, встретимся?

– Хорошо, давай завтра... в пол-одиннадцатого у входа в «Золотой Вавилон». Только предупреждаю, у меня будет не более получаса, – голос уже не был бодрым, в нем явно слышалось напряжение.

– Договорились, в пол-одиннадцатого у входа в «Золотой Вавилон».

Московское небо уже давно сгустилось в ночь и украсило себя россыпью ярких звезд. Неслышно работающий кондиционер без труда делал комфортные для человека двадцать четыре градуса. Герметичные окна надежно отсекали любой шум улиц. Все было идеально, а не спалось. Сна не было ни в одно глазу. Лидия Васильевна после нескольких безуспешных попыток заснуть с переворачиванием себя с бока на бок, сейчас просто лежала на спине, глядя в потолок.

«Господи, а завтра же, нет, уже сегодня конференция. И на кого я там буду похожа? Помятая, с мешками под глазами и это будет генеральный директор российского фонда планирования семьи? И никогда же бессонницей не страдала. Что за черт. Наверное старею», – Лидия Васильевна медленно встала с кровати и подошла к окну.

Ночная Москва была прекрасна. Море разноцветных огней, словно груды драгоценных камней красиво сверкали на фоне черного бархата ночи. Подсвечиваемая прожекторами светилась игла Останкинской башни, а правее не так утонченно, сверкали огнями глыбы зданий пятисотметрового комплекса Федераций, построенного совсем недавно. Еще правее, как две огромные трубы, красиво светились окнами высотные башни «Города Столиц».

«А я завоевала этот город. Я в нем стала далеко не последним человеком, генеральным директором фонда планирования семьи».

Лидия Васильевна Емелина была коренной москвичкой, но это ничего не решало. Москву все равно надо было завоевывать. И сколько женщина знала примеров, когда коренные москвичи так ничего и не смогли добиться в родном городе, живя и умирая никому не нужными, кроме своих родственников, людьми. Да и то, зачастую родственникам они нужны были именно мертвыми. Это был обычный меркантильный интерес. Освобождалась дорогущая московская жилплощадь. Фраза: «Меняю однокомнатную квартиру в Москве на поселок в Кемеровской области» с каждым годом все менее и менее походила на анекдот. Слишком много людей стремилось в Москву, город, где можно было сделать быструю головокружительную карьеру и быстрые большие деньги. Поэтому конкуренция была бешеной. Конкуренция умов и характеров. Москва слезам не верила. И Лидия Васильевна слезы не лила. Никогда. Ни когда кромсала внутренности молодых девчонок, желающих избавиться от последствий неосторожного поведения с мужчинами и видя плод этих последствий. Действительно плод: с головой, на которой уже порой угадывались волосики и перекошенным, навсегда застывшим в беспомощном крике ртом, с крохотными ручонками и ножками. Ни на смерти мужа, с которым прожила двадцать лет.

Неожиданно, будто раскаленная игла вонзилась в затылок, больно заболела голова. Женщина даже охнула и стала массажировать затылок. Острая боль постепенно прошла, сменившись тягучей, ноющей, раздражающей. Лидия Васильевна, сходяв на кухню и приняв таблетку пропанола, вновь вернулась в спальню, открыла окно, желая вдохнуть свежий воздух. Ее расчет оправдался, лицо освежил легкий ветерок. Прислонившись к окну, женщина смотрела на далекие звезды. Мыслей никаких не было. Пустота. Как простирающаяся над ее головой космическая бездна. Где-то далеко, почти на горизонте появилась яркая точка. Над Москвой летел самолет. Невольно глаза сфокусировались на этом движущемся объекте. Вот он сместился левее Останкинской башни и стал приближаться к громадине зданий Федераций. Он

даже стал вроде крупнее и ярче. Лидии Васильевне даже показалось, что она услышала далекий гул двигателей, низкий, вибрирующий. Или это у нее в голове вибрирует? А гул возматал.

«Нет, ну это точно не самолет, – как-то отстраненно подумала генеральный директор, – наверное, давление. Надо бы завтра утром проверить».

Неожиданно нарастающий, слышный все отчетливее гул перерос в легкий и какой-то вибрирующий смешок. Женщина испуганно обернулась. Никого. И вновь смешок. У окна.

Какая-то белесая тень, словно дымка, словно за окном ночь неожиданно сменилась утренним туманом, колыхалась прямо перед глазами Лидии Васильевны. Смех исходил из этой дымки. Какой-то неприятный, вибрирующий, низкий. Мгновение спустя хозяйка квартиры поняла, что это старческий смех. Дымка заколебалась и как струйка дыма потянулась в квартиру. Секунда, другая и на еще теплой от тела Лидии Васильевны кровати, непринужденно опершись на правую руку, сидела старуха. Она была одета в какое-то старомодное серое пальто, на ее голове была такая же старомодная шляпа с широкими полями, бросавшая густую тень на лицо.

– Вы...вы кто? – чувствуя, как неприятно бухает ее сердце, проваливаясь куда-то вниз, прошептала Лидия Васильевна.

И вновь этот неприятный старческий смех.

– А я яй, милочка. Нехорошо не узнавать своих благодетелей! – старуха погрозила хозяйке квартиры пальцем.

– Благодетелей?

– Я Маргарет Зангер, – отчетливо произнесла старуха. – Теперь ты, надеюсь, понимаешь, о каком благоденствии идет речь?!

– Да... да, понимаю...

Еще бы не понимать! Маргарет Зангер была организатором и главным идеологом «Лиги Контроля над Рождаемостью», впоследствии преобразовавшуюся в Международную Ассоциацию Планирования Семьи, филиалом которого и был Российский Фонд Планирования Семьи.

Неожиданно страшная мысль, словно заледенила Любовь Владимировну:

– Господи, но Вы же давным-давно умерли!

– Ты точно знаешь, что такое смерть? – и вновь старческий смех. – И что происходит после того, как вот это, – палец старухи уткнулся в ее грудь, – начинают жрать гробовые черви? О, поверь мне, после смерти скучать не приходится! Впрочем, я никогда и не скучала! Я по поддельному паспорту бежала из Нью-Йорка в Англию, когда мне грозило пять лет тюрьмы за нарушение федерального закона о печати, касающегося запрета открытой пропаганды эротизма и распространения порнографической продукции. Я кувыркалась в постели с Бернардом Шоу и Гербертом Уэллсом. И скажу по секрету, милочка, последний меня откровенно разочаровал. Я думала фантаст, он фантаст во всем. А оказалось, что фантазировать он может только на бумаге, а в постели сплошная заурядность. И еще один секрет, милочка. Знаешь с кем лучше всего заниматься сексом? А?

– Не... не знаю...

– С импотентом! Что мы вытворяли с Хэйвлоком Эллисом! Ни один мужчина больше не смог меня так возбуждать как он.

– Но у него же не...

– А руки? А язык? А слова? О, это было непередаваемо! Кстати, это именно он окончательно утвердил меня в мысли, что моя миссия – организация всемирного контроля над рождаемостью, улучшение человеческой породы, выпалывания всего человеческого сора для восхождения человечества по лестнице прогресса. И как утвердил! Когда мужчина доставляет тебе яркий, феерический оргазм, его слова, сказанные буквально накануне, воспринимаются как слова бога, как библия, которой необходимо неукоснительно следовать. Может поэтому я так всегда была уверена в своих действиях.

«О, Господи! Я схожу с ума. Мне уже начинают слышаться голоса покойников...»

– Да, нет, милочка. Ты еще пока в здравой памяти. А покойники разговаривать могут. Я же разговариваю! А какое упоение жизнью я испытывала, когда пропагандировала стерилизацию и аборт в двадцатых годах! Какое бешеное сопротивление я встречала. Но это меня только раззадоривало, как раззадоривает мужчина, который не желает сразу прыгать ко мне в постель. Прошла же Первая Мировая. Ряды людей поредели. Какой контроль над рождаемостью?! А я все равно долбила и долбила свое! А как я отбивалась от копов, когда они пришли закрывать мою первую подпольную клинику, где я стерилизовала женщин и делала им аборт. Всем! Всем, кто только сказал: «Я хочу!» Вот истинная свобода для женщины! Вот истинный контроль над рождаемостью! Кто как не ты сам лучше себя проконтролируешь?!

На, уже было начавшую успокаиваться, Лидию Васильевну вновь напелз липкий, до противного пота в подмышках страх. Все отчетливей стала проявляться мысль, поначалу отфутболенная глубоко в подвалы подсознания стремительностью событий: встреча с покойником к большому несчастью, очень большому.

– Что, страшно с покойницей разговаривать? – старуха вновь неприятно рассмеялась. – Да ты не бойся! Все равно там все будут! Да ты хоть пожила в свое удовольствие. Машина, дача, дети, молодой жеребец-любовник. А многие этого в жизни не испытали. Многие вообще в жизни ничего не испытали кроме боли! – густая тень, отбрасываемая полами старомодной шляпки мешали хозяйке квартиры увидеть выражение лица этой необычной посетительнице. С улыбкой она это говорит или серьезно?

Ведь иногда, когда Лидия Васильевна сильно уставала на работе или после утомительной вечеринки на нее накатывалась волна жесточайшей, черной меланхолии. Ни с того ни с сего, словно опостылевшая зубная боль, которую не удастся избежать ни одному человеку, как бы он не ухаживал за зубами, ее начинал волновать вопрос о смысле жизни, о том, что она оставит после себя. «Целое кладбище нерожденных детей? Точнее ведра с их хрупкими недоразвитыми останками?»

Таких детей нигде не хоронили, просто закапывали где-нибудь, а то и просто выбрасывали на свалку, для бездомных псов и ворон. И все это для того, чтобы она пила дорогой мартини, блистая в модном вечернем платье на тусовке, называемом светским раутом? Чтобы видеть эти притворные, слащавые улыбки, слышать это лицемерное «милочка», слушать и самой разносить всевозможные светские сплетни? Улыбаться милой, красиво одетой собеседнице, так интеллигентно вытирающей беленьким платочком свои губки после бокала шампанского, улыбаться и вспоминать, как видела ее, раскоряченную на гинекологическом кресле. И от нее пахло отнюдь не «Ангелом» или «Шанель №5», а запахом пота и крови. И за все это надо платить десятками, сотнями эмалированных ведер там, в операционной?

В такие минуты жестокой меланхолии женщине помогали мысли и идеи именно Маргарет Зангер о необходимости "выдергивать плевелы человечества". Ведь кто часто шел на аборт? Плохо воспитанные девушки из неполных, неблагополучных семей, для которых переспать с малознакомым или совсем незнакомым мужчиной, с которым она только что познакомилась в баре (ночном клубе, парке, на автобусной остановке) было также естественно, как выпить стакан воды. Захотелось пить – выпила, захотелось секса – переспала. Больше чем на два хода вперед, как неопытные шахматисты, такие девушки не думали. Ложились в ее кресло и вполне благополучные девушки, которые залетели чисто случайно. Бывает. Минутный порыв страсти или обманулась в любви. И ненужный сейчас ребенок мог испортить все дальнейшую жизнь и карьеру. Потом у нее будут дети – планируемые, желанные. А сейчас... Это как жертва для дальнейшей благополучной жизни. А кровавые жертвы даже Бог принимал. В Библии написано! Не в Новом Завете, написанным для общемирового, широкого потребления или, иными словами, для ширпотреба. А в элитарном, написанном для узкого круга своих, в Старом Завете. Эта объективный ход жизни, которую создал Бог. Вон Румянцева, ради роли в знаменитых

«Девчатах» сделала аборт. А не сделала бы? Не было бы «Девчат». Так что важнее, какой-то один ребенок, из которого еще неизвестно бы кто получился или мировой шедевр?!

И вот на тебе. Сама Маргарет Зангер говорит как то непонятно, вроде как осуждающе.

– Кто не испытал ничего кроме боли? – пересохшими губами переспросила генеральный директор российского фонда планирования семьи.

– А ты не знаешь, не догадываешься? Абортируемые дети! Вот кто!

– Вы...вы осуждаете меня за это?

– Да ты что, милочка! Я просто констатирую факт! – четко, по слогам произнесла Зангер. – Разве тебя можно осуждать? Ведь ты продолжаешь мое дело! А мое дело одобрили и не просто одобрили, а щедро его профинансировали Рокфеллер и Форд. Это не считая рыбешки помельче. Меня публично поддерживали и Эйнштейн, и Неру, и Эйзенхауэр, и Трумэн. Мое дело поддержала ООН, признав мою организацию благотворительной, наравне с церковью! Теперь, кто одобряет мою деятельность, могут вполне легально делать пожертвования в пользу моей организации. И им за это еще будут снижать налоги! Так как же тебя можно осуждать?! Нет, твоей деятельностью надо гордиться! – и вновь этой скрежещущий, прямо до крови царапающий душу смех.

В спальне ощутило стало душно, легким не хватало воздуха. Лидия Васильевна почувствовала, как у нее начинается кружиться голова. Или эта комната начала кружиться вокруг нее? Кровать с сидящей на ней Маргарет Зангер вздрогнула и поплыла вдоль стен, быстро набирая скорость. Секунда-другая и недавно в спокойной спальне генерального директора поднялся вихрь. Старческий, противный голос Маргарет Зангер, казалось, звучал отовсюду:

– Запомни! Всегда живи под моим лозунгом: «Ни Бога, ни хозяина!» И тогда тебе никто и ничто не страшно. Ты поднимаешься над всем: над церковью, над моралью, над людьми. Ты сама становишься как Бог... или как Дьявол! – и жуткий смех со всех сторон.

Женщина судорожным движением закрыла уши ладонями. Тщетно. Старческий голос беспрепятственно звучит в голове:

– Благодаря мне на Земле не родилось два с половиной миллиарда ненужных людей! – неслось с каждого угла комнаты. – Первая и вторая мировые войны отдыхают по сравнению с этой цифрой! – страшно кричал каждый сантиметр пространства. – Ха-ха-ха! – смех превратился в грохотание, от которого, казалось, голова у генерального директора российского фонда планирования семьи не выдержит и лопнет. Поднявшийся вихрь сбросил шляпу со старухи. Боже! Она еще пыталась уловить, какое выражение лица у Маргарет Зангер. На Лидию Васильевну скалился провалом рта с желтыми зубами и тарачился пустыми глазницами череп с космами седых волос.

– А-а-а! – страшно закричала женщина и, не отрывая рук от головы, прислонившись спиной к косяку балконной двери, сползла по нему на пол...

Сознание, вяло барахтаясь в чем-то липком, подталкиваемое освежающим ночным ветерком, медленно всплывало из небытия. Над Москвой по-прежнему сияли далекие и холодные звезды. По-прежнему, красиво расчерчивая ночь огнями, светились Останкинская башня и другие высотные здания российской столицы. И, по-прежнему, яркая точка самолета приближалась к огромным зданиям комплекса Федераций.

– Ф-у-у и привидеться же такое, – кряхтя и постанывая уже немолодая, дородная женщина поднялась на ноги, предварительно некрасиво став на колени. – Все, проведу конференцию и немедленно в отпуск, – Лидия Васильевна обессилено рухнула в кровать и словно провалилась в бездну, из которой нет возврата назад.

Лифт мягко поднял Александра на шестой этаж и практически бесшумно распахнул перед ним двери. Мужчины привычно повернул налево. Нужная ему дверь располагалась в

торце коридора. Тихо щелкнул замок. Журналист раздвинул свои губы в улыбке и помогал правой рукой с букетом цветов перед практически невидимой видеокамерой.

– Входи, входи. Букет вижу, – раздалось со спрятанного в дверь динамика.

Александр машинально взглянул на часы. Без минуты девять, мужская рука толкнула стальную дверь в тамбур.

«...сегодня в девять вечера я жду тебя у себя. Никаких но! Я на тебя рассчитываю!» – пронеслись у него в голове недавние слова Валерии.

– Если женщина на тебя рассчитывает, то пора рассчитываться, – пробормотал про себя мужчина и кисло улыбнулся.

– Чего ты там бормочешь? – на пороге квартиры стояла ее хозяйка – девушка лет двадцати пяти с длинными, выющимися русыми волосами, спадающими на плечи и грудь.

На девушке был короткий изящный халатик ярко-красного цвета, не скрывающий длинные с золотистым загаром ноги. Неглубокое декольте не могло скрыть великолепной груди третьего размера.

– Репетирую приветствие.

– Ну так здоровайся. А это, чтобы у тебя было больше вдохновения, – легким неуловимым движением девушка развязала узел, и пояс халатика двумя концами бессильно повис вдоль женского тела. – Надеюсь у тебя не такой, – девушка, улыбаясь, рукой приподняла один из концов пояса и тут же бросила его вновь.

«Слаб человек, ой слаб», – мелькнуло в голове мужчины, когда жаркое женское тело прижалось к нему, а красный халатик, как ненужная тряпочка соскользнул с него на пол.

... Страсть накатывала волнами, и следующая волна была выше предыдущей, еще сильнее толкая мужское тело вперед, накрывая с головой, а потом также мощно оттягивая его назад. И тут же накатывалась следующая волна. Человек задыхался в этих волнах, теряя контроль над своим телом, над своими действиями. И снова волна. Нет, целый девятый вал!

– А-а... Лерка, можно в тебя?

В ответ он лишь почувствовал судорожное движение под собой и женские ноготки еще сильнее впились мужчине в спину...

Потом была пустота, оглушаемая бухающими ударами неистовствующего сердца. И под это татами медленно, как-то робко в мозг вползла мысль: «Вот так большинство детей и получается. Не по любви, а по залету. Не хватало, чтобы Лерка от меня забеременела».

Девушка, наклонившись над распростертым на спине мужчиной, быстро чмокнула его в губы и убежала в ванну.

Александр смотрел на истерзанную постель и слушал приглушенный шум воды. Лерка, принимая ванну, никогда не удосуживалась закрывать за собой дверь.

«Все больше убеждаюсь, что занятия сексом и занятия любовью – это далеко не одно и то же», – мужчина с отвращением сбросил с себя край простыни, так неприятно пахнущий чужим потом.

Благоухая туалетной водой, в комнату вошла Лера и демонстративно, стоя обнаженная перед Александром, сладко и томно потянулась. Крупная грудь красиво подалась вперед.

– Тело, измученное Тарзаном. Да, ты сегодня был просто зверь, Тарзан. Похоже, иногда воздержание идет мужчине на пользу, – девушка захихикала. – Но злоупотреблять этим не стоит, – указательный палец, украшенный изящным колечком, шутливо погрозил Александру.

– Чем? Воздержанием или Тарзаном?

– Нет, Тарзан всегда пожалуйста! Я даже полностью контроль над собой потеряла, что со мной редко случается. А ты этим воспользовался, негодник. Взял и выстрелил в меня! – девушка игриво улыбнулась, но тут же нахмурилась. – А я же сейчас не предохраняюсь. Да и время не очень удачное, можно залететь. Месячные две недели назад были.

– А если залетишь? Что будешь делать? – Александр и сам не знал, зачем он задал этот вопрос. Это был, по современным понятиям, неправильный, некрасивый, некорректный вопрос. Такой же некрасивый, как и вопрос о доходах человека. Обычно в таких ситуациях говорили: не волнуйся, пронесет, не залетишь, нечего раньше времени паниковать. В крайнем случае, когда уж девушка очень напугана произошедшим конфузом в порыве страсти, ее партнер мог, обняв ее, сказать: «Не волнуйся, крошка. Все это решаемо. Были бы деньги».

– Я? Что делать? – девушка вопросительно-недоуменно посмотрела на Александра. – Как что! Аборт! Материнство в мои планы пока точно не входит. Хотя бы до начальника отдела вначале дорасти надо.

– А если бы на тот момент, когда твои родители тебя зачали, твоей маме тоже дорасти до кого-то надо было?

– Странный ты какой-то сегодня. И вопросы странные задаешь, – девушка открыла шкаф и накинула на себя плотный махровый халат. – Все так делают. Знаешь сколько нас, баб, залетают? И никто трагедии не делает! Это жизнь, Саша. Ты еще полей горячие слезы о бездомных собаках, которых отстреливают! – девушка присела рядом со своим любовником.

– Ребенок – не бездомная собака!

– А это еще не ребенок! Это яйцеклетка, которую трахнул ваш сперматозоид. И все! – Лера вскочила с постели. – Слушай, морализатор. Катись отсюда! Я его так ждала, готовилась. А он взял все и испортил глупыми вопросами. Другой бы радовался, что на него и не собираются вешать проблемы по этой части, – в глазах девушки показались слезы.

– Ладно, Лерка, извини. Я, наверное, заработался. Все время эти чертовы гинекологические клиники в голове крутятся. А где гинекология, там и аборт... Вот меня и понесло черте куда, – последние слова Александр проговорил автоматически.

«А если клиники поджигают из-за проводящихся там аборт... да нет, глупости это. Кому это нужно? Никому. Врач получает деньги, пациентка избавляется от ненужной беременности. Все довольны. Да нет, глупости это. Поджоги – просто конкурентная борьба, только за гранью дозволенного, далеко за гранью».

Ох, как не хотелось Лидии Васильевне идти на эту конференцию. Каждая клеточка ее организма кричала: «Нет!». Но мозг, как властный руководитель-самодур, не желающий слушать доводов своих подчиненных, упрямо гнал бунтующее тело в конференц-зал торгово-развлекательного центра «Золотой Вавилон». Да какие весомые доводы могут быть у этих «подчиненных»? Обычная блажь не выпавшегося и издерганного тела. Подчиниться этой блажи и не явиться на международную конференцию, которую же сама и организовала?! Верх глупости! Да если бы даже была температура сорок, генеральный директор российского фонда планирования семьи все равно бы пришла. Приползла! Потому что есть такое слово «Карьера», которое даже важнее слова «Родина». А тут просто хандра. Взбодрив себя прохладным душем и чашкой кофе, Лидия Васильевна ровно в девять, за час до конференции, вышла из дома.

Серебристый Фольксваген Пассат с личным водителем ждал ее у подъезда.

– Здравствуйте, Лидия Васильевна, – водитель услужливо открыл перед ней заднюю дверь машины.

Впереди генеральный директор ездить не любила.

– Здравствуйте, Паша.

– Сразу в «Золотой Вавилон»? Или в офис заедите.

– Нет, давай сразу туда. Надо еще раз убедиться, что все в порядке.

Сверкая лаком, автомобиль выехал со двора. Лидия Васильевна расслабленно откинулась на удобную спинку заднего сидения, прикрыла глаза.

«Надо хоть немного отдохнуть. Из-за бессонной ночи чувствую себя как тряпка. И приносится же такое».

Но расслабиться не получалось, даже чуть покачиваясь на уютном немецком кресле под приятное урчание немецкого мотора. Что-то мешало. Лидия Васильевна никак не могла устроить голову на подголовнике. И так ее повернет, и так, а все неудобно.

«Да что за черт!» – женщина открыла глаза...

Прямо на нее смотрели другие глаза – сочувствующие и глубокие как бездна.

– Паша... а... что это у тебя?

– Где, Лидия Васильевна?

– Вот,верху.

– Да я вчера возвращался с работы, а у меня прямо перед домом киоск стоит. Там газеты, журналы продают, ручки и прочую дребедень, – тон водителя почему-то был чуть виноватым. – Уже хотел пройти мимо, но тут взгляд зацепился за эту иконку. Дай, думаю, куплю и в машину повешу. Многие говорят, помогает, оберегает от опасностей, что на дорогах встречается.

– Это кто, Богоматерь? – Лидия Васильевна всматривалась в небольшой цветной квадратик, прилепленныйверху лобового стекла. Молодая женщина с кротким лицом, младенец на руках – Бог.

– Ну да... Богоматерь, дева Мария.

«Странно, я всегда почему-то представляла Богоматерь старше. А ведь и правда, когда она родила Иисуса, ей же было всего лет шестнадцать-семнадцать. Тогда восточные женщины рано рожали. Здесь, на рисунке, она, конечно, старше. Но все равно ей не больше двадцати», – оставшуюся дорогу до «Золотого Вавилона», генеральный директор уже не сомкнула глаз.

На нее смотрела своими печальными глазами красивая молодая женщина с младенцем на руках, словно хотела что-то сказать. Но тонкие губы были сомкнуты и неподвижны.

– То, на что ты меня толкаешь, называется разглашение тайны следствия и за это, между прочим, предусмотрена уголовная статья, – Игорь промокнул розовенькой салфеткой рот и откинулся на спинку стула с мягкой красной обивкой.

Александр Ермаков смотрел на своего давнего друга и все пытался увидеть на его лице хотя бы тень иронии, малюсенькую складочку около глаз или рта, намекающую на улыбку. Смотрел и не видел. Майор милиции Игорь Васильевич Долинин был абсолютно серьезен.

– Странно... раньше я от тебя таких слов не слышал.

– Раньше не горели одна за другой гинекологические клиники по всей Москве!

Александр увидел, как его друг сделал непроизвольное движение головой, словно пытаясь оглянуться, не услышал ли кто его последних слов.

– То есть ничего по этому делу я от тебя не услышу?

– Саша, извини. Но делом заинтересовалось ФСБ. И если какой-то материал, который журналисты никак не могли знать появиться в твоей газете, то ты и твой Бульдозер быстро окажитесь на Лубянке, где вам придется назвать источник информации, то есть меня.

– Бульдозер о тебе не знает, а я не скажу.

– Скажешь, Саша, скажешь. Эфесбешные волкодавы за яйца умеют брать. Так что скажешь.

За столиком одного из многочисленных кафе торгово-развлекательного «Золотой Вавилон», что на проспекте Мира повисла пауза. В принципе, все уже было сказано. Но за столиком сидели не клиент и заказчик, не два компаньона, связанных общим бизнесом, за столиком сидели два друга Александр Ермаков и Игорь Долинин. Или Дон и Долина, как называли их школьные товарищи. Дон и Долина десять лет просидели за одной партой, поэтому нельзя было вот так встать и уйти.

А «Золотой Вавилон» бурлил утренней жизнью. Тысячи людей ходили по его бесконечным площадям. Заходили в сотни его магазинов, примеряли обувь, кокетливо смотрели на себя

в зеркало с надетой модной шляпкой или солнцезащитными очками, небрежно расстегивали портмоне или отрешенно смотрели на спящих перед глазами себе подобных, инстинктивно, вбитой на уровне бессознательного рефлекса привычкой оценивая по внешнему виду того или иного коллегу по человеческому роду. С невидимых динамиков журчала успокаивающая, расслабляющая музыка, провоцирующая задержаться здесь подольше, а значит побольше потратить цветных бумажек, ставших универсальным критерием успешности человека.

– Могу тебе, Александр сказать только одно, – также тихо, как музыка, раздался голос Игоря, – все эти преступления совершили необычные люди.

– Что ты этим хочешь сказать? Что значит необычные? – мгновенно встрепенулся Александр.

«...с тех пор, как молния ударила в кремлевскую звезду, чего раньше никогда не было, в Москве стало происходить много странных, таинственных событий», – раздался в голове чуть скрипучий голос Бульдозера.

– Ну, может я неправильно выразился, не необычные, а профессионалы экстра-класса. Никаких следов, ничего, за что реально можно зацепиться. СП экспертов прямо изнасиловал и не один раз уже и все без толку. Ничего вразумительного сказать не могут.

– Долина, а ты ведь только что разгласил тайну следствия!

– Дон, тебе в морду по старой дружбе заехать? А?

– Ладно, Игорек, не злись. Ляпнул, не подумал. Обещаю, что все, что услышал от тебя, использую самым аккуратным образом.

– Ну-ну. Если что, ребята из ФСБ проверят крепость твоих яиц. Кстати, а как у тебя с Лерой? Когда на свадьбу то пригласишь?

– А чего это ты так неожиданно спросил о ней? А, ну да! Говоря о яйцах, тут же неизбежно возникает ассоциация с девушками!

– Не только. Вон смотри, девушка по эскалатору спускается. Чем-то твою Лерку напоминает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.